ДМИТРИЙ САФОНОВ

МЕТРО

Романы-катастрофы

Дмитрий Сафонов

Метро

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

2005

Сафонов Д. Г.

Метро / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий Геннадьевич», 2005 — (Романы-катастрофы)

ISBN 5-8189-0533-0

«По набережной гулял старик с собакой. Он шел медленно, опустив широкие костлявые плечи. В руке он держал металлический поводок, набранный из толстых колец. Впрочем, псу поводок не требовался; он покорно ковылял рядом, жался к хозяйской ноге и всякий раз, услышав свое имя, лениво взмахивал хвостом. Один глаз собаки полностью закрыли мутные пленки катаракты, поэтому он шел справа, чтобы все время видеть старика. Когда-то им было всего лишь шестьдесят четыре года - на двоих. Месяц назад исполнилось сто...»

ISBN 5-8189-0533-0

© Сафонов Д. Г., 2005
© Сафонов Дмитрий Геннадьевич, 2005

Содержание

21 сентября. Москва. Раннее утро 5
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Дмитрий Сафонов
Метро

21 сентября. Москва. Раннее утро
Пролог

По набережной гулял старик с собакой.

Он шел медленно, опустив широкие костлявые плечи. В руке он держал металлический поводок, набранный из толстых колец.

Впрочем, псу поводок не требовался; он покорно ковылял рядом, жался к хозяйской ноге и всякий раз, услышав свое имя, лениво взмахивал хвостом. Один глаз собаки полностью закрыли мутные пленки катаракты, поэтому он шел справа, чтобы все время видеть старика.

Когда-то им было всего лишь шестьдесят четыре года – на двоих. Месяц назад исполнилось сто.

Другие собачники, издалека завидев угрюмую парочку, спешили свернуть на боковую дорожку. Встреча с этими ходячими окаменелостями не сулила ничего хорошего.

Если старику вдруг казалось – а ему это казалось постоянно – что кто-то из молодых собак хочет обидеть его пса, он моментально выходил из себя. Тяжелый металлический поводок превращался в его руках в грозное оружие, которое разило наповал, находя самые уязвимые места: уши, глаза, нос. Цепь била по хребту и обвивала собачий живот, как удавкой. Старик резко тянул цепь на себя и отбрасывал обидчика в сторону. От Авиационной улицы и до самой Новощукинской не было такой собаки, которую он не обратил бы в бегство. Вместе с хозяином или хозяйкой – для старика это не имело значения.

Когда им на двоих было только семьдесят шесть, его пес – пока еще молодой, полный сил, не ослепший на один глаз, не оглохший на одно ухо и без уродливого грыжевого мешка, болтавшегося под брюхом – был грозой микрорайона. Теперь все наоборот.

Старик остановился и достал из кармана пачку сигарет без фильтра. Он прикурил, с наслаждением выпустил дым и закашлялся.

– Пошли-ка на берег, приятель, – сказал он.

Пес развернулся и, широко расставляя негнущиеся лапы, направился к ажурной чугунной ограде.

Старик оперся локтями на перила. Пес просунул морду между прутьями. Они смотрели, как речной буксир, готовясь пройти ворота шлюза, разворачивает огромную баржу. Под винтами бурлила мутная желто-зеленая вода.

– Да… – сказал старик. – А ты помнишь?

Пес задрал морду, словно хотел ответить. Старик махнул на него рукой.

– Да откуда ты можешь помнить? Тебя тогда еще и на свете не было. Во-о-о-н тот тополь… – старик вытянул узловатый, бурый от никотина палец. – Он ведь рос прямо посередине пляжа. А теперь? Стоит у самой воды. Еще лет десять, и его не будет. Сгниет.

Он замолчал. Пес тоже хранил молчание. Это была слишком деликатная тема. Тополь, конечно, сгниет лет через десять, только… Они это вряд ли увидят.

Старик вздохнул.

– Вода размывает берега, старина. Так же, как время – наши с тобой берега…

Он перегнулся через перила (пес обеспокоенно поднял брови) и сплюнул в воду.

– Говорят, когда-нибудь эта махина, – старик небрежо ткнул сигаретой через плечо, в сторону красивого жилого комплекса, высившегося на берегу, – сползет в канал.

Он рассмеялся – скрипучим старческим смехом. Пес вильнул хвостом.

– Не знаю, друг! Так пишут в газетах. Врут, наверное.

Пес издал сдавленное ворчание.

– Конечно, врут. Сколько себя помню – газеты всегда врут. Ага! Самое страшное, что может случиться с этой долбаной громадиной – небольшое наводнение в подвале. Ну, пропадет у кого-нибудь картошка – да и хрен с ней!

Старик хлопнул по перилам.

– Давай поспорим, что случится раньше: обвалятся эти чертовы башни или сгниет вон тот тополь? А? Ставишь на тополь? Ну-ну…

Он еще минуту курил, глядя на маневры буксира. Теперь баржа стояла поперек канала. Старик хорошо видел ее ржавые борта, подкрашенные черной краской.

Старик щелкнул средним пальцем; короткий бычок, сорвавшись с ногтя, описал стремительную дугу и упал в воду.

– Пошли домой… – сказал старик, и они побрели назад.

От речной сырости что-то вступило в поясницу; старик поморщился и стал прихрамывать.

Он шел, держась рукой за больное место, и вдруг желчно сказал, продолжая начатый разговор:

– А знаешь, дурак ты, если ставишь на тополь… Что с ним будет? Он, как мы – только с виду трухлявый, а внутри еще ничего…

То ли пес понял его слова, то ли просто – правильно воспринял интонацию; он трижды вильнул хвостом и улыбнулся, обнажив коричневые стершиеся клыки.

– Проклятый радикулит, – ругался старик. – Говорят, надо носить пояс из собачьей шерсти. Сдохнешь – сделаю из тебя пояс. Так что – давай, не тяни!

Пес знал, что старик шутит. Когда он сдохнет, то хозяину будет очень плохо. И он вряд ли уже заведет другого пса. Побоится – что очень скоро тот останется один и превратится в завсегдатая окрестных помоек. Поэтому он не обижался на грубоватый юмор старика.

– Попомни мое слово – и дом этот не упадет, и тополь не сгниет… Гораздо раньше буксир провалится к чертовой матери прямо в метро и будет катиться аж до самой "Баррикадной", а то и до "Лубянки".

Он снова засмеялся, и смех был похож на карканье.

– Потому что так не бывает на свете: курить – и не кашлять, пить – и не маяться похмельем… Залезать под землю – и не думать о воде. Разве я не прав, старина? Канал-то ведь стоит на костях… Вот так вот, друг…

Пес кивнул. Дома его ждала миска с разваренной картошкой и мясная обрезь, прокрученная через мясорубку.

В конце концов, месяц назад им исполнилось сто на двоих, и какое им до всего дело? Дом, тополь или буксир? Они твердо решили прожить еще одну зиму. А потом – если получится – лето.

И отпраздновать сто два – на двоих.

* * *

Андрей Гарин стоял у подъезда своего бывшего дома и поглядывал на часы. Десять минут девятого. Дочка задерживается. Как бы не опоздать.

На асфальте кое-где поблескивали блюдечки луж. Всю ночь шел дождь. К утру он перестал, но Гарин не сомневался, что сегодня будет еще много воды.

"Видимо, небесный сантехник опять запил, а кроме него починить этот протекающий краник некому".

Он посмотрел на небо. Серая, набухшая влагой пелена придавила город, словно тяжелым ватным одеялом.

– Так… Ну и где же моя принцесса?

Гарин перевел взгляд на окна четвертого этажа, будто хотел заглянуть внутрь, увидеть, что там сейчас творится. Наверняка привычная утренняя неразбериха.

Ксюша с нарочитой неторопливостью укладывает в портфель учебники, тетрадки и пенал, а Ирина мечется с феном в руках между кухней и ванной, отдавая короткие, но весьма энергичные приказания.

– Ты проверила ключи? Не забудь ключи, а то будешь сидеть под дверью, пока я не вернусь… Ксения! Я к кому обращаюсь? Ксения!!

– Ну что, мама?

Гарин явственно услышал недовольный голос дочери.

– Ты взяла ключи?

– Взяла.

Ирина выдавливает на ладонь мусс для укладки и втирает его в волосы.

– И прекрати крутиться на уроках! Мне надоели эти бесконечные замечания в дневнике! Ксения! Ты слышишь меня?

Слышит. По утрам Ирину слышат даже соседи по лестничной площадке. И Ксюша, конечно, тоже. Просто не реагирует – маленькая уловка, позаимствованная у отца.

Двенадцать лет Гарин был частью этой ежеутренней суеты. Двенадцать лет… А потом…

Гарин похлопал по карманам, но, подумав, решил не закуривать. Ксюша вот-вот должна выйти. Он не успеет – придется выбрасывать почти целую сигарету. Нет, позже. Он покурит на работе, перед "пятиминуткой".

Зайдет в ординаторскую, переоденется в белый халат, достанет баночку "Nescafe" и заварит сразу две ложки в большой чайной кружке.

– Плебейская привычка! – всегда морщилась Ирина. – Как ты можешь пить растворимый кофе?

Себе она варила в турке. Добавляла корицу, аккуратно снимала поднимающуюся пенку и выкладывала ее в чашечку…

Конечно, ЕЕ кофе был хорош, и Гарин это признавал. Просто ему было лень возиться, поэтому он довольствовался растворимым.

От приятных мыслей – о чайной чашке горячей коричневой жидкости с душистой сигареткой – мягко засосало под ложечкой.

Кофе с сигаретой – одна из немногих радостей, что у него остались. Ну и, конечно, работа, наполнявшая жизнь хотя бы видимостью смысла.

Год назад все пошло наперекосяк. Однажды он понял, что постоянно вызывает у жены раздражение. Впечатление было такое, будто у нее – затянувшиеся месячные. И всегда – первый день.

Это длилось почти полгода. Фактически это была война без объявления войны. Гарин с головой ушел в работу. Он, как улитка, втянул мягкое нежное тело в спасительный домик и старался ничего не замечать. Он уже привык к новой роли – не мужа, а докучливого квартиранта, – как вдруг грянул гром. Пусть и не среди ясного неба – назвать их отношения безоблачными язык не поворачивался – но все же неожиданный.

Ирина заявила о своем желании развестись. Вот прямо здесь и сейчас, не сходя с этого места. Гарин пытался вызвать ее на откровенный разговор, но все попытки закончились впустую. Развод, и до свидания!

Гарин наведался в свою старую квартиру. До женитьбы он жил в однокомнатной "хрущевке" неподалеку. После свадьбы переехал к Ирине, в трехкомнатную, а "однушку" они сдавали. Это называлось – "костылики для хилого семейного бюджета".

Гарин сообщил жильцам, что теперь квартира нужна ему самому, и вернул деньги, полученные за месяц вперед.

Через неделю, как только съехали жильцы, он возвратился в "хрущевку", поставил на пол потрепанный чемодан, рядом положил рюкзак и огляделся.

Старый продавленный диван, шкаф, переживший свои лучшие времена, когда самого Гарина еще не было на свете, громыхающий холодильник, да еще вот – чемодан и рюкзак.

Спартанская обстановка. Ничего лишнего. Налицо даже полное отсутствие необходимого. Скучный и весьма прозаический финал семейной жизни.

Формально семейная жизнь продолжалась. Ирина так и не подала заявление в суд, поэтому в паспорте у Гарина до сих пор стоял штамп: "Брак с… Зарегистрирован в…". Но… Ведь это ничего не меняло.

Меняла Ирина. Словно нарочно. Она будто изо всех сил стремилась доказать правоту обычной бабьей жалобы: "Ты мне всю молодость загубил!". Мол, без Гарина у нее сразу все наладилось.

Сначала она купила в кредит машину. Потом – перевела дочь в английскую спецшколу. Ездить туда – не ближний свет. На метро – до "Полежаевской", потом – на "маршрутке". И тут Гарин снова пригодился. "Андрей, пожалуйста, принимай участие в жизни дочери. Отвози ее в школу. Ребенку нужен язык!".

– Конечно, ребенку нужен язык… Гораздо больше, чем семья, – пробормотал Гарин и решил все-таки закурить.

Домофон запищал, дверь подъезда открылась, и на улицу вышла дочь – в ярко-синем пластиковом дождевике, с ранцем за спиной.

Гарин на полпути остановил потянувшуюся к карману руку.

– Привет, принцесса! Как спалось?

– Вытряхнула из матраса полмешка гороха, – капризным голоском сообщила Ксюша и подошла, подставив отцу щечку для поцелуя.

Обязательный утренний поцелуй под окном. Свежая порция адреналина для Ирины. Маленький подарок благоверной.

– По-моему, мы опаздываем, – сказал Гарин. – Что-то ты сегодня задержалась.

– Выслушивала новые инструкции от маман. Сегодня вечером она будет знакомить меня со своим сказочным принцем.

Гарин вздрогнул. Он подозревал, что рано или поздно это должно было случиться, но, тем не менее, был не готов. Неужели он еще на что-то надеялся? Глупо.

Он почувствовал, как кто-то вогнал в сердце тупую занозу – с тугим надсадным хрустом.

Но этот мяч требовалось отыграть достойно.

– Сказочным принцем… На белом коне?

– На вишневом "Мерседесе", – ответила дочь.

Гарин удивился.

– Ты его уже видела?

Если бы дочь уже видела ЕГО, она бы обязательно сказала. Но Ксюша молчала: и вчера, и позавчера, и на прошлой неделе…

– Только на фотографии.

Гарин кивнул и ускорил шаг.

– Ну и… как?

– Не мой тип. Но могло быть и хуже…

– А-а-а…

Некоторое время они шли, храня напряженное молчание. Первой не выдержала Ксюша.

– Как ты думаешь? Как я должна его называть? "Новым папой"?

Гарин тщательно подбирал слова. Ему приходилось импровизировать на ходу, поэтому размышление над ответом заняло несколько секунд.

– Для того, чтобы стать твоим папой, ему бы следовало суетиться лет этак одиннадцать назад. Если ничего не путаю, папа у тебя один – это я. Хотя… Надо уточнить у мамы. Она наверняка знает лучше.

– Я ей так и сказала. Мол, папа у меня уже есть. Мужа сменить проще, чем отца.

– А она?

– Включила фен на вторую скорость.

– Достойный ответ.

– Ты же ее знаешь…

Полагалось бы пожать плечами и со вздохом сказать: "К сожалению", но Гарин решил быть благородным и уже успел войти в образ.

– Знаю.

До метро "Тушинская" было недалеко – десять минут быстрым шагом. Гарин сосредоточился на ходьбе, но тупая заноза в сердце саднила все сильней и сильней. Теперь не выдержал он.

– Ну, и… Как это будет выглядеть? Ваше знакомство? Он придет к вам в гости?

– Нет. Мама сказала, что мы пойдем в кафе. – Брезгливая гримаска скривила Ксюшино лицо. – Только бы не в "Ростик'с".

– Почему?

– У мальчика, с которым я сижу за одной партой, неделю назад был день рождения. Он пригласил весь класс в "Ростик'с". Ужас! Всюду – одна курица. Клоуны совсем не смешные, но самое кошмарное – громадный цыпленок в толстой шкуре и с грязными ногами. – Ксюша задрала голову и серьезно посмотрела на отца. – К тому же – он сильно вонял.

Мысли Гарина витали где-то далеко, и он поначалу не понял, о чем идет речь.

– Кто вонял? Мальчик?

– Да нет же! Цыпленок! Ведь там внутри сидит человек – два доллара в час и все такое. В шкуре – конечно, жарко. Вот он и вонял.

– А-а-а…

– Интересно, как он ходит в туалет?

Непонятно почему, но Гарина вдруг тоже это очень заинтересовало. Он представил себе взрослого мужчину в желтом костюме, с трудом отыскивающего дорогу к ширинке. "Тьфу, глупость какая! Лезет в голову всякая ерунда!".

– Оставим эту тему, хорошо?

– Считай, проехали, – отозвалась Ксюша. В голосе ее звучало снисхождение.

"Мне надо серьезно обо всем поговорить с Ириной, – решил Гарин. – Быть может, еще не поздно".

Они повернули за угол последнего дома и увидели виадук, нависающий над железнодорожными путями.

Еще один, последний, рывок – и они в метро.

Гарин взглянул на часы.

Контрольное время прохождения "Тушинской" – восемь пятнадцать. Тогда они успевают.

Сегодня они опаздывали всего на три минуты. Видимо, Гарин, стараясь не подпускать грустные мысли, слишком увлекся самим процессом ходьбы. Он еще больше ускорил шаг.

В восемь девятнадцать они вошли на станцию и сели в поезд, идущий в никуда. Но они об этом еще не знали.

* * *

Первым трещину в обделке перегонного тоннеля заметил машинист тридцать восьмого состава в семь часов пятьдесят две минуты.

Точнее, он заметил не трещину, а воду, струящуюся по водосточному желобу, проложенному между рельсов.

Поезд только отъехал от заброшенной станции под Тушинским аэродромом. Рельсы полого уходили вниз, и сила тяжести помогала тяговым электродвигателям разогнать состав.

В середине перегона – нижняя точка тоннеля, после чего начинался такой же небольшой подъем, помогавший сбросить скорость перед "Щукинской".

В свете мощных фар машинист увидел бодрый пенящийся поток, бегущий вниз, к водоотливной установке. Наметанный взгляд сразу уловил, что здесь что-то не так.

Нет, не сама вода встревожила его. Она была на этом перегоне постоянно. Над тоннелем проходил канал имени Москвы, к тому же всю ночь лил дождь. На этом участке линии – тоннель мелкого заложения, поэтому вода из водоотливных установок поступает прямо в городскую канализацию, и только самому Господу Богу (да еще, может быть, Лужкову) известно, чем забита в конце сентября городская канализация.

Да и вообще: вода в метро – обычное дело.

Ночью тоннель специально промывают, чтобы прибить пыль. Вода может образовываться от конденсации водяных паров, а может появляться из мелких трещин в гидроизоляции обделок. Словом, она возникает отовсюду, но…

Сегодня она была какая-то не такая.

Машинист еще не успел разобраться, ЧТО именно его насторожило, ЧТО ЖЕ было с этим потоком, бегущим по желобу между рельсов, не так, а рука уже сама нажала на кнопку переговорного устройства.

– Я – тридцать восьмой! В тоннельном перегоне на подъезде к "Щукинской" наблюдаю воду.

В нескольких километрах от поезда дежурный диспетчер посмотрел на светящееся табло. Загорающиеся одна за другой лампочки показывали продвижение состава. Диспетчер нагнулся к микрофону и включил связь.

– Тридцать восьмой! Что случилось? Каков уровень?

Машинист прикинул на глаз. Уровень никак нельзя назвать высоким. Ему приходилось гонять поезда, когда вода подступала вплотную к самым головкам рельсов.

– Да вроде ничего особенного, но… Она какая-то странная. Не поймешь, что с ней такое…

– Какой уровень? – повторил диспетчер.

– Сантиметров пятнадцать, не больше.

Диспетчер перевел дыхание. По вспотевшей спине пробежал холодок.

– Фу, Васильич! Напугал! Хочешь довести меня до инфаркта?

Он посмотрел на индикаторы насосов водоотливной установки. Горел только один – рабочего насоса. Значит, два резервных не работали. Выходит, и один успевает откачивать воду из приемного резервуара. Если бы он был полон, поплавковое реле включило бы резервный.

– Васильич! Тридцать восьмой! Не разводи панику! У меня все в норме!

Диспетчер даже представить себе не мог, чтобы ситуация мгновенно, без видимых причин, вышла из-под контроля.

– Какая-то она странная! – оправдывался машинист. – Вот я и… На всякий случай…

– Спасибо! Все в порядке. Продолжай движение, – сказал диспетчер и выключил связь.

* * *

Только через двадцать минут, отъезжая от "Китай-города", машинист понял, ЧТО с этой водой было не так.

В кабине стоял обычный запах метро. Точнее, множество запахов, сливавшиеся в один: от разогретых обмоток электродвигателей, технической смолы, покрывавшей силовые кабели, жженого масла в тормозных механизмах и много чего еще.

Но в том перегоне он уловил какой-то знакомый, радостный запах, заставивший вспомнить о выходных. Нет, скорее, об отпуске, но при чем здесь отпуск?

Состав набирал ход и катил дальше, к "Таганской", и вдруг машинист вспомнил, что это за запах.

В тоннельном перегоне воняло рыбой и тиной.

Обыкновенной гнилой тиной.

* * *

Денис Истомин нетерпеливыми шагами мерил асфальтированный пятачок перед автобусной остановкой. Он ждал Алису.

Время от времени он поглядывал на небо, опасаясь, как бы не полил дождь, но, к счастью, его пока не было.

Он приходил сюда каждое утро – исключая те дни, когда Алиса не ездила на занятия в "Строгановку". Он провожал ее до самых дверей училища, нежно целовал и ревниво интересовался: "Во сколько ты закончишь? Может, постараешься пораньше? Нет?".

Он остановился и посмотрел в ту сторону, откуда должна была придти Алиса, но, как всегда, никого не увидел. И в следующий момент прозвучало: "Привет, ковбой!".

Алиса обладала одной замечательной особенностью. Она умела появляться незаметно. И пусть она не всегда приходила в назначенный срок, зато всегда – вовремя. Тогда, когда Денис уже терял терпение, но еще не начинал злиться.

"Ковбой" – это относилось к его шикарной замшевой куртке.

Алиса подошла, ухватилась обеими руками за отвороты куртки и, подтянув Дениса к себе, приподнялась на носочки. Поцеловала – даже не поцеловала, а клюнула – в щеку и, отступив на пару шагов, окинула хозяйским взглядом.

Этот утренний ритуал очень нравился Денису.

Нравилось то, что она ничего не ждала – просто притягивала его к себе; но мало того, что притягивала – она и сама тянулась.

– Ничего так себе паренек… Весьма и весьма… – промурлыкала Алиса.

Она сощурила правый глаз и стала этакой хитрюгой. "Лисой Алисой", как называл ее Истомин-младший.

Сегодня на ней была шаль какой-то немыслимой расцветки, не иначе, как купленная на "блошином рынке" возле станции Марк.

Алиса утверждала, что терпеть не может магазинные вещи.

– Все самое хитовое продается на барахолках, – говорила она.

И, глядя на нее, Денис понимал, что это действительно так.

Его куртка, купленная в дорогом бутике (естественно, на папашины деньги), выглядела чересчур традиционно и даже – скучно. Тогда как Алисина шаль – умопомрачительно.

– Ну, что вы замерли, юноша? – с вызовом спросила Алиса. – Подайте даме экипаж.

– Слушаюсь и повинуюсь! – ответил Денис.

Он посмотрел поверх ее головы. Это совсем не трудно, когда в тебе – метр восемьдесят два, а в "даме" – каких-нибудь сто пятьдесят четыре сантиметра. Правда, иногда ему казалось, что все совсем наоборот.

Из-за поворота, опасно кренясь на левый борт, выскочила "маршрутка".

Денис откинул туловище назад и резким движением распахнул полы воображаемого плаща – из грубой промасленной кожи и до пят. Руки застыли у бедер. Пальцы нервно шевелились, готовые в любую секунду обхватить рукояти револьверов и рвануть их прочь из кобуры.

– Я вижу на горизонте почтовый дилижанс, – хриплым шепотом сказал он. – А не остановить ли нам его?

Дородная женщина в розовом пальто, с выбеленными перекисью жесткими прядями, выбивавшимися из-под зеленого мохнатого берета, презрительно поджала губы и что-то сказала. Ни Алиса, ни Денис не обратили на нее внимания.

– Смелее, ковбой, – прошептала Алиса. – Действуй, и… Ты знаешь, какая награда тебя ожидает!

Денис усмехнулся.

– Можешь на меня рассчитывать, крошка! В моих барабанах – двенадцать патронов…

– И у тебя – самый длинный ствол на всем Западе, – с придыханием произнесла Алиса.

Они громко расхохотались – к неудовольствию женщины в розовом пальто.

Денис поднял руку, и "маршрутка" стала замедлять ход. Противно заскрипели тормоза, и "Газель" резко остановилась. Водитель уперся обеими руками в руль, точно собирался встать из-за стола, а молодой кавказец, сидевший на пассажирском сиденье, не успел среагировать и чуть не протаранил головой лобовое стекло.

Денис взялся за ручку двери и дернул ее на себя.

– На абордаж! – воскликнул он.

Почему-то обладательница зеленого берета оказалась проворнее – несмотря на внушительные килограммы, завоеванные в нелегкой борьбе с голодом.

Следующей была Алиса. Денис уперся ей ладонью пониже спины и подсадил на высокую ступеньку.

Алиса была очень худой, почти костлявой; даже сквозь одежду Денис ощущал какие-то костные бугры, и если бы кто-нибудь сказал, что ему это будет очень нравиться, он бы только рассмеялся. Но сейчас – ему действительно нравилось. Чертовски нравилось.

– Благодарю, – жеманно сказала Алиса и стала протискиваться в самый конец салона.

Денис последовал за ней.

Она упала на место у окошка и похлопала по соседнему сиденью.

– Иди ко мне, красавчик!

Денис достал из кармана две "десятки" и передал их водителю, после чего устроился рядом с Алисой. Она снова притянула его к себе и прошептала на ухо:

– Мы славно позабавимся, детка!

Маленькие пальчики с острыми коготками полезли куда-то ниже пояса… Денис захихикал.

– Перестань! Перестань сейчас же! Мне щекотно!

– Ты опять не пойдешь сегодня в институт? – спросила Алиса.

Это было еще одно ее умение. Еще одна замечательная особенность.

Она могла смеяться, дурачиться, болтать о всякой ерунде, и вдруг – без видимого перехода – спросить о чем-то, по-настоящему серьезном.

Денис прекрасно знал эту черту, и все же – каждый раз попадался на одну и ту же уловку. Алиса усыпляла его бдительность, и потом – бац! Следовал вопрос – всегда острый и неожиданный, как удар поддых.

Вопрос об институте был очень острым. Улыбка исчезла с лица Дениса.

– Нет, скорее всего, не пойду.

Он-то знал наверняка, что не пойдет, а расплывчатое "скорее всего" означало поднятые кверху лапки – пощади! Хватит! Не надо об этом!

Но Алису это не останавило.

– И долго так будет продолжаться?

– Может, оставим эту тему?

– Что тебе не нравится?

– Мне не нравится, что ты меня постоянно контролируешь.

Ее брови взметнулись вверх, в уголках глаз проступили легкие морщинки.

– Я? Тебя? Боже упаси! Я волнуюсь за тебя! Волнуюсь, потому, что ты мне не безразличен. Улавливаешь разницу?

Он кивнул.

– Ну, и долго так будет продолжаться?

Денис отвел глаза. Казалось, в эту минуту его ничто не интересовало, кроме унылого осеннего пейзажа, пробегающего за окном.

– Не знаю, – после паузы сказал он. – Я не хочу там больше учиться.

– Да? И родители в курсе?

Пейзаж отошел на второй план.

– При чем здесь родители?

– При том, что ты живешь за их счет. И они имеют полное право знать, КАК ты живешь.

Алиса излагала все ясно и логично – не придерешься. Среди ее аргументов не было ни малейшей бреши, даже трещины, – ничего, куда бы он мог вставить сбивающий с толку вопрос.

– Догадываются. Фазер обещал купить новую машину, если я возьмусь за ум. Как ты знаешь, старую придавило обломками Башни. Теперь она размером с консервную банку и очень плохо ездит.

– Но ты, конечно, отказался, – подхватила Алиса. – Как это благородно с вашей стороны, поручик!

– Алиса… – Денис посмотрел ей в глаза. – Ну почему мы не можем просто прожить еще один день? Просто? Без упреков, без проблем? А? Пойдешь в свое училище живописи, что-нибудь живописуешь и наваяешь, потом я тебя встречу, возьмем бутылочку винца, отправимся ко мне, побарахтаемся в постели…

Обладательница розового пальто, сидевшая перед ними, при слове "постель" вздрогнула. Наверное, он увлекся и говорил слишком громко.

Алиса прыснула.

– Дурачок! Так и будет! Возьмем бутылочку винца и устроим образцово-показательный трах! Я буду стонать так, что сбегутся все соседи. А соседки – пялиться на твою ширинку, когда ты выйдешь из квартиры. Это здорово! Но… Что ты будешь делать завтра?

Денис пожал плечами. На этот вопрос у него не было внятного ответа.

– Ты знаешь, чего ты НЕ ХОЧЕШЬ, – продолжала Алиса. – Это хорошо. Это характеризует тебя как крайне вдумчивого и ответственного молодого человека. Дело за малым – узнать, что ТЫ ХОЧЕШЬ. Только и всего.

"Узнать, что ТЫ ХОЧЕШЬ, – повторил про себя Денис. – Если бы это было так просто".

Увы! Все было очень непросто. После того, как он чудом спасся из рушащейся Башни, в Денисе произошел какой-то надлом. Он сильно изменился.

И родители это понимали. Наверное, поэтому они и не настаивали, чтобы он вернулся в институт.

Отец предлагал сделку – стоило признать, довольно выгодную. Машину взамен учебы. А маман – за спиной отца – обещала договориться насчет академического отпуска. Денис подо-

зревал, что проректор по учебной работе – один из тайных грешков ее бурной и веселой молодости.

Родители даже разрешили ему жить отдельно, в бабушкиной квартире в Митино. Словом, они старались его понять. И проблема была вовсе не в них. Проблема была в нем самом.

Несколько секунд назад ее четко сформулировала Алиса: он сам не знает, чего ОН ХОЧЕТ.

Денис вздохнул и через силу улыбнулся.

– Я тебе скажу, чего я хочу. Вечером.

– О-о-о, ну, этот ответ мы уже слышали. И, кстати, всячески приветствуем. Но ты все-таки подумай: может, хочешь чего-то ЕЩЕ?

Так незаметно, за разговором, они доехали до Тушино.

"Маршрутка" остановилась перед входом в метро, и пассажиры, сдержанно толкаясь, стали вылезать.

На улице Денис взял Алису за руку. Ее узкая ладошка с чернильными росчерками вен была сухой и горячей.

– Я подумаю. Обещаю.

Они вошли в метро. Перед турникетами бурлила обычная утренняя толчея. Пользуясь короткой заминкой, Алиса обернулась к Денису.

– У нас сегодня – свободная тема. Я буду рисовать тебя. По памяти.

Она поддернула большую дерматиновую папку с листами ватмана, достала из кармана проездной и приложила к считывающему устройству. Красный кружок сменился зеленым, и Алиса ловко проскользнула вперед.

Денис дождался, когда красный кружок появится вновь, и сунул в щель билет.

– Надеюсь, в моем облике не появится ничего лишнего?

– Чего?

– Рога, например?

Алиса рассмеялась.

– Пока еще рано об этом говорить. Подожди до вечера – сам все увидишь.

– Ах, вот как! Посмотри, я чернею прямо на глазах, и мои волосы становятся курчавыми!

Денис состроил зверскую гримасу. Он полагал, что Отелло выглядел именно так, когда увидел платочек Дездемоны не там, где ему полагалось быть.

– Молилась ли ты на ночь…

Он патетически воздел руки и неосторожно задел пробиравшегося за ним мужчину в красивом дорогом пальто. Мужчина поморщился и небрежно оттолкнул локоть Дениса от груди.

– Аккуратнее!

– Простите…

Этот незначительный эпизод испортил Денису настроение, но, если разобраться, то винить, кроме как самого себя, было некого.

Он схватил Алису за руку и побежал с ней вниз по ступенькам. Они втиснулись в вагон и крепко прижались друг к другу. Механический голос объявил:

– Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция – Щукинская!

Никто из пассажиров еще не знал, что до "Щукинской" они не доедут…

* * *

Машинист предыдущего поезда также заметил поток, бурлящий в водосточном желобе. Но сначала он увидел другое.

Состав миновал заброшенную станцию между "Тушинской" и "Щукинской". Когда-то, в середине семидесятых, ее построили в надежде на то, что вместо аэродромного поля здесь

будет большой жилой массив. Однако территория аэродрома городу не принадлежала. Летное поле находилось в ведении Министерства Обороны, а оно ни в какую не хотело выделить свою землю под жилищное строительство.

Станцию законсервировали; работы прекратили и оставили все, как есть. Станция так и стояла закрытая.

Ее призрак, словно тронный зал заколдованного замка, проносился за окнами поезда, и любопытные, расплющив носы о стекло, пытались что-то разглядеть в темноте.

Это удавалось только в том случае, когда поезда, идущие в разных направлениях, проезжали станцию одновременно. Тогда свет из окон противоположного поезда озарял тонкие колонны, подпиравшие потолок, серый бетонный пол и массивные листы железа, закрывавшие выходы на лестницы.

Как правило, зеваки бывали разочарованы. Они не видели ни пресловутых крыс размером с кошку, ни белых толстых червей-мутантов, ни громадных мотыльков с размахом перепончатых крыльев как у вороны.

Здесь не было никакой живности – по одной простой причине.

В метро ВСЕГДА поддерживается незначительное избыточное давление, поэтому ни одна тварь здесь не выживает. Кроме людей, разумеется, но и для них это не проходит даром. Не зря же работающие под землей идут на пенсию по первой сетке вредности.

Машинисты, помощники, дежурные, тоннельные рабочие, электромеханики, – все они бледны, как мертвецы. Здесь другой мир. Сюда не доходит солнечный свет. Зато здесь всегда в избытке вода.

* * *

Вода обрушилась на стекло кабины плотным грязным потоком – так неожиданно, что машинист вздрогнул.

Несколько секунд он ничего не мог разглядеть – ехал, что называется, на ощупь. Затем он включил стеклоочистители, и большие щетки смахнули грязь. Тогда он увидел бурлящий поток, стремительно бегущий вниз по желобу, в сторону приемного резервуара – зумпфа.

Состав проехал водоотливную установку, оставив ее слева.

Дальше рельсы шли на небольшой подъем. Вода доставала и сюда, но ее уровень был невысок – насосы справлялись с потоком. Через тридцать-сорок метров она и вовсе исчезла, и машинист увидел абсолютно сухой желоб.

Он подумал, что все это ему показалось, но грязные разводы на стекле недвусмысленно говорили об обратном. Это НЕ МОГЛО ему показаться.

Он нажал кнопку вызова.

– Диспетчер! Диспетчер!

В динамике раздавалось только шипение, прерываемое громким треском.

– Черт! Да что такое?

Машинист перевел ручку управления тяговыми электродвигателями. Поезд стал замедлять ход, приближаясь к станции.

"Надо сообщить дежурному. Пусть пошлет рабочего пути, проверить, что там творится".

Потом он сообразил, что рабочий все равно пойдет от "Щукинской". В самом деле, не посылать же человека с "Тушинской" – тогда ему придется топать по узкому боковому проходу целых полтора перегона.

"Задержусь на станции, доложу дежурному", – подумал он.

Тем временем следующий состав, подчиняясь строгому графику, действующему в час пик – пара поездов в минуту, – уже отошел от "Тушинской" и набирал ход.

* * *

В тот день Владимир Константинов поднялся в шесть утра.

Он проснулся ровно за минуту до того, как зазвенел будильник – от скрипа кровати. Так было всегда – за минуту до назначенного подъема он начинал ворочаться, и этот скрип будил его. А потом уже раздавался звонок будильника.

Константинов отбросил одеяло и вскочил. На сегодняшнее утро у него была назначена важная встреча, и он хотел придти на нее подготовленным.

Владимир пошел в ванную, почистил зубы, принял душ и потом долго укладывал волосы феном. Повторить вчерашнюю укладку, сделанную в салоне, ему не удалось, но тем не менее он остался доволен.

Константинов закрепил прическу лаком и отправился на кухню. Там он вскипятил чайник и заварил овсяную кашу из пакетика. Запил кашу стаканом подогретого обезжиренного молока и взялся за яблоко.

После того, как с завтраком было покончено, он еще раз почистил зубы и критически осмотрел свое отражение в зеркале.

Опасаясь порезаться в самый неподходящий момент, как это обычно бывает в утренней спешке, он побрился заранее, перед сном.

Владимир провел рукой по щекам и подбородку. Щетина уже стала пробиваться, но была еще не видна. По его прикидкам, это должно было случиться не раньше полудня. Значит, все нормально. На встрече он будет выглядеть, как надо.

Он ехал в музей-квартиру Николая Островского, что располагался над "Елисеевским" гастрономом.

Полтора года назад, выполняя заказ правительства Москвы, его фирма установила в музее подъемник для инвалидов. Константинов не хотел браться за эту работу. Он чувствовал, что прибыли она не принесет никакой. Так и случилось. Однако – его хвалили и даже благодарили за то, что он успел уложиться в поставленные сроки.

Работа, как всегда, проходила в авральном режиме: департамент соцзащиты готовился к выставке работ какой-то художницы из Китая, которой вздумалось выставляться именно в музее Островского – самого знаменитого советского инвалида.

Художница сама была с детства прикована к инвалидной коляске, а квартира размещалась на втором, и очень высоком, этаже. Поэтому подъемник был просто необходим.

Константинов выполнил заказ безупречно, и в его негласном досье появились две лестные характеристики: "надежный" и "безотказный".

С тех пор он не брался за подобную работу, предпочитая более традиционные виды заработка.

Но в июне в кругах, близких к мэрии, стали бурлить упорные слухи, что вот-вот ожидается новое постановление – оборудовать новостройки подъемниками для инвалидов. Всех строителей обяжут учитывать этот пункт в сметной документации и выделять на него необходимые деньги.

Константинов вздрогнул, и если бы не ладно сидящий костюм, то стало бы видно, как шерсть на его загривке встала дыбом.

Он знал, что дыма без огня не бывает. Разумеется, это случится не завтра и даже не через год, но он должен быть готов заранее.

"Если ВСЕ новостройки будут оборудовать подъемниками…".

О-о-о, здесь пахло хорошими деньгами.

Владимир стал потихоньку зондировать почву и узнал, что в следующем году правительство Москвы объявит открытый тендер на право стать генеральным подрядчиком. Стало быть, есть за что рубиться.

Константинов два месяца обхаживал чиновника из департамента социальной защиты, и наконец удача ему улыбнулась. Чиновник милостиво согласился взглянуть на его достижения в этой области.

И вот тут Владимир достал из рукава козырного туза. Технически сложный, самый совершенный в Москве подъемник, смонтированный безупречно и в сжатые сроки, от мэрии – два шага, постелим ковровую дорожку, позовем цыган и пригласим полуголых девок… Не угодно ли взглянуть?

Чиновник придал лицу выражение государственного мужа, озабоченного архиважными делами, и сказал: "Угодно".

Встречу назначили на одиннадцать утра, но Константинов понимал, что должен приехать пораньше – хотя бы к девяти, чтобы лишний раз все проверить и провести инструктаж с директором музея. Наверняка последуют какие-то вопросы, а ответы лучше подготовить заранее.

Константинов выбрал темно-синий костюм, голубую рубашку и мягкий бордовый галстук с мелким узором. Он завязал галстук узким косым узлом и остался собой доволен.

К этому костюму хорошо подходили английские ботинки из темно-коричневой замши. Довершало наряд черное демисезонное пальто, перчатки – в тон ботинкам, и шелковое кашне стального оттенка.

Он покрутился перед зеркалом и решил, что выглядит если и не на миллион долларов, то на семьсот тысяч – это уж точно.

Опыт говорил ему, что, когда имеешь дело с чиновниками, надо выглядеть дорого. Они, наверное, думают: "Раз уж этот парень сумел заработать деньги для себя, то сможет и для нас".

– Смогу, ребята! Не сомневайтесь! – сказал Константинов отражению.

Он обошел всю квартиру, тщательно проверил, не забыл ли чего-нибудь выключить, взял приготовленный сверток и вышел на улицу.

* * *

До охраняемой автостоянки, где он обычно ставил машину, надо было пройти два квартала пешком. Владимир увидел грязные лужи на асфальте и понял, что дождь может спутать его планы.

Он знал за собой одну неприятную особенность. Стоило на асфальте появиться хоть малейшим лужам, и Константинов умудрялся забрызгать грязью брюки до самых колен. Может быть, все дело в его походке – быстрой и уверенной? Может быть. Но, как бы то ни было, сейчас ему требовалось идти медленно, стряхивая капли с мысков перед тем, как перенести ногу вперед.

Он так и поступил. Мысленно ругаясь на то, что планы небесной канцелярии шли вразрез с его собственными, он осторожно двинулся вперед. Со стороны казалось, будто сапер пробирается по минному полю – настолько аккуратными и выверенными были его шаги.

Он пришел на стоянку, подошел к вишневому "Мерседесу", достал ключи с брелоком сигнализации и нажал на кнопку. Автомобиль подмигнул габаритами и дважды хрюкнул.

Константинов открыл заднюю дверь и развернул сверток – мохнатое одеяло, купленное в "ИКЕе". Одеяло было просто необходимо – к вишневому кузову прилагался светло-бежевый кожаный салон.

"Девочке всего десять лет. Испачкает мне тут все, что можно…". Одеяло стоило дешевле, чем чистка салона в фирменном сервисе.

Константинов был предусмотрительным. Такой человек, как он, обязан быть предусмотрительным. Сейчас он ехал на встречу с чиновником, но уже заранее готовился к сегодняшнему вечеру.

Он постелил одеяло на заднее сиденье, аккуратно расправил складки. "Ну вот, теперь получше".

Возможно, это было не очень-то красиво, но ведь он никогда не стремился выглядеть самым щедрым человеком на этом свете.

"И потом – я просто проявляю заботу. На голой коже холодно сидеть".

Он захлопнул дверцу и уже собирался сесть за руль, но вдруг…

Черт побери! Неприятные сюпризы продолжались!

Заднее правое колесо было пустым. "Мерседес" был "обут" в низкопрофильные "Pirelli", поэтому машина почти не просела, не припала к земле, и он не сразу это заметил. Но хорошо, что хоть заметил.

Видимо, он пробил колесо вчера, но герметик изнутри залепил покрышку, позволил ему доехать до стоянки, а за ночь весь воздух постепенно вышел.

– Идиотство! – пробормотал Константинов. – Это какое-то идиотство, иначе не назовешь!

Первой мыслью было позвать сторожа, дать немного денег и попросить поставить "запаску". Но Константинов вспомнил его опухшее лицо, нос с сетью красных прожилок и трясущиеся руки. Ему стало жалко красивых литых дисков, каждый из которых стоил, как его ботинки.

– Твари! – непонятно кому сказал Константинов, снова поставил машину на сигнализацию и пошел на шоссе.

Сторож что-то говорил ему, но через стекло будки ничего не было слышно. Владимир отмахнулся и подошел к обочине.

Поймать такси было не такой уж и большой проблемой. Приедет он на собственной машине или на такси – какая разница? Все равно на "Мерседесе" в музей не въедешь. Он как бы ненароком достанет из кармана ключи с узнаваемой трехлучевой звездой, и этого будет достаточно – для поддержания нужного имиджа.

Стоило ему поднять руку, и машины стали останавливаться – одна за другой. Перед ним даже выстроилась целая очередь.

Константинов брезгливо махнул водителю первой машины – ржавой "копейки". Вторым стоял "Москвич". Владимир заглянул через стекло в салон и нашел его слишком грязным. Он снова махнул рукой – проезжай! Третья машина тоже не прошла его придирчивый контроль.

Наконец вдалеке показался серебристый "Ситроен-Берлинго" с шашечками на боку. Таксист затормозил, и Константинов, открыв сдвижную дверь, сел на заднее сиденье.

– На Пушкинскую площадь, – сказал он. Водитель кивнул и включил счетчик.

Из Красногорска они выехали довольно быстро, но дальше, на Волоколамском шоссе, начиналась огромная пробка. Машины тащились по дороге плотной разноцветной массой, и это стало его раздражать.

Он не мог понять, в чем тут дело. Будь он за рулем своего "Мерседеса", он бы так не нервничал. Возможно, потому, что тогда бы все зависело только от него самого. А сейчас любое действие водителя выводило его из себя.

Они переехали деривационный канал, и Константинов не выдержал.

– Давай-ка в левый ряд – и к метро!

Таксист обиженно пожал плечами – хороший заработок уплывал прямо из-под носа. Он включил левый "поворотник" и, дождавшись "стрелки" на светофоре, свернул на проезд Стратонавтов.

– Прямо к выходу, где почище, – сказал Владимир и кинул на переднее сиденье сторублевку.

Водитель с тоской взглянул на деньги.

– Хватит! – отрезал Константинов.

Он всегда считал, что поступает правильно. Что бы ни случилось в этой жизни, он думал, что во всем прав.

Затея прокатиться на метро пришла ему в голову неожиданно. Он не спускался под землю уже много лет и давно забыл, как это выглядит. "По-моему, надо кидать пятачок… Нет, нет… Пятачков больше нет. Э-э-э… Жетон. Да, желтый пластмассовый жетончик…".

Шарить по карманам было бессмысленно – едва ли там мог заваляться желтый пластмассовый жетон.

Таксист остановил машину прямо перед входом. Константинов открыл дверь и осмотрел асфальт. Почти чистый, если не считать фантиков от жевательной резинки и размазанных плевков.

Он вышел и стал спускаться на станцию.

* * *

На входе он изучил карту Москвы с нарисованной схемой метрополитена и обнаружил одну приятную неожиданность: ему не придется делать никаких пересадок. Он доедет прямиком от "Тушинской" до "Пушкинской". Это уже хорошо. Под землей, как известно, пробок нет.

Правда, его несколько озадачило другое. Людей было гораздо больше, чем он ожидал. Угрюмые и молчаливые, они шли одной плотной массой – как автомобили в пробке.

Для того, чтобы пройти через турникеты, пришлось покупать какую-то карточку – жетоны, оказывается, успели выйти из моды. Константинов купил на две поездки. На всякий случай.

Про себя он уже решил, что возвращаться будет только на такси, но, тем не менее, взял карточку на две поездки.

Он подошел к турникетам и здесь его снова ожидала небольшая неприятность.

Парень, шедший перед ним, вдруг стал размахивать руками, как ветряная мельница. Парень жестикулировал так бурно, что ударил Константинова локтем в грудь.

Владимир брезгливо отпихнул его локоть и пробурчал:

– Аккуратнее!

Он стал спускаться по ступенькам, и вдруг его внимание привлекло ярко-синее пятно, резко выделяющееся в утренней суматохе и толчее. Константинов пригляделся. Обыкновенный детский плащ. Дождевичок. Вроде бы – ничего особенного, но этот плащ показался ему знакомым, словно бы он его уже где-то видел.

Владимир еще не успел вспомнить, где именно, а ноги сами, помимо воли, несли его к этому пятну.

Он взял немного левее и прошел по той части платформы, где останавливались поезда, следовавшие из центра. Почему-то здесь почти не было людей.

"Ах, ну да! – сообразил Константинов. – Утром ведь все обычно едут в обратную сторону".

Он быстро обогнул толпу и приблизился к синему пятну сзади.

Маленькая девочка лет десяти, белокурая, с вьющимися волосами до плеч. Она держала за руку высокого, слегка сутулого мужчину. У мужчины был потерянный вид и проплешина на затылке.

Константинов усмехнулся. Он почему-то именно так себе все и представлял. Он удивился, насколько лицо девочки было похоже на ее фотографии. Обычно так не бывает. Фотография искажает черты. Или – придумывает новые. Но здесь все совпадало точно.

Константинов прислушался к себе, к тому, что творилось у него внутри. Ему вспомнились слова, сказанные Ириной во время их последней встречи. Пожалуй, теперь эти слова приобрели несколько другой смысл.

Он осмотрел мужчину – так внимательно, словно составлял фоторобот преступника. Отметил высокий лоб, длинный острый нос и несколько вялую линию подбородка.

Он подумал, что в чертах лица мужчины и девочки не так уж и много общего…

Гудок приближавшегося поезда заставил его отвлечься от своих мыслей. Константинов развернулся и быстро зашагал к голове состава. Он не хотел ехать с мужчиной и девочкой в одном вагоне. Но и дожидаться следующего поезда не собирался. В конце концов, с какой стати?

Константинов протиснулся между плотно сжатыми плечами и оказался прямо напротив дверей. Он вошел в вагон первым и быстро юркнул в укромный уголок.

В вагоне было душно и пахло влажной одеждой – так сильно, что даже аромат собственного одеколона не спасал.

Он по-прежнему считал, что поступает правильно, но даже представить себе не мог, что поездка будет только в один конец.

* * *

Трещина в обделке перегонного тоннеля постепенно росла. Монолитный железобетон, поддаваясь напору скопившейся в грунте воды, хрустел, будто какой-нибудь гипсокартон.

Когда-то, прокладывая линию в Тушино, метростроевцы решили заморозить грунт и прокопать тоннель прямо под каналом.

Недалеко от ворот шлюза, сквозь воду, пробурили множество шурфов и через трубы закачали жидкий азот, создав трехметровую линзу из замороженного грунта. По расчетам строителей, этого должно было хватить надолго.

Но время… И вода… Две самые текучие и непостоянные материи.

Они действуют потихоньку, исподволь. Долбят в нерушимый, казалось бы, монолит, капля за каплей, секунду за секундой… И рано или поздно побеждают. Всегда.

Они разрушают самые хитроумные планы, самые прочные стены, самые долговечные и тщательно просчитанные конструкции.

Вода и время. По сути, это одно и то же. Вода – материальное воплощение времени; она так же постоянно течет, постоянно меняется и МЕНЯЕТ.

Время оставляет морщины на лице; вода точит камни. Человек не в силах противостоять этим стихиям. Особенно – когда они объединяют свои усилия.

* * *

Трещина в обделке ширилась. Другие трещины, поменьше, разбегались от нее во все стороны.

Это сопровождалось громким звуком. Эхо разносило по тоннелю зловещий гул, низкий и утробный. Гул был только басовым фоном, сквозь него пробивались голоса, солирующие в какофонии разрушения. Треск бетона и шипение рвущейся в тоннель воды.

Издалека послышался грохот колесных пар. Громыхая сцепками, подпрыгивая на рельсовых стыках, приближался поезд.

Токоприемник снимал с контактного рельса постоянное напряжение в 825 Вольт; электроэнергия питала четыре тяговых двигателя, и поезд мчался, набирая ход. Там, где контактный рельс, одетый в красный деревянный короб, заканчивался и начинался новый, мелькала ярко-голубая вспышка, озарявшая толстые кабели, покрытые слоем пыли.

Состав, не сбавляя скорости, вылетел на закрытую станцию под Тушинским аэрополем.

Машинист увидел, как густые исполинские тени от колонн метнулись в сторону, словно испугавшись стука колес.

Светофор – справа по ходу поезда – светился гостеприимным зеленым огоньком. Значит, впереди никого не было. Он двигался на безопасном расстоянии от предыдущего.

Машинист потянулся рукой за сиденье. Там, завернутый в целлофановый пакет, лежал банан.

Диагноз "хронический гастрит" ему поставили уже давно, но машинист подозревал, что все гораздо хуже. У него наверняка язва.

Ну конечно, так и есть. Годы, проведенные под землей, не проходят даром.

С одной стороны, работа неплохая. Стабильная. Платят хорошо и без задержек. Ранняя пенсия, казенная форма, бесплатный проезд, в том числе – раз в год по железной дороге, куда только ни пожелаешь… Это все так.

Но есть и несомненные минусы. Зрение, например, постоянно ухудшается. Стоит выйти после смены на свет, и глаза сразу начинают болеть и слезиться. Хоть темные очки надевай. Наверное, дело в том, что он привык к искусственному освещению, а солнце… Это что-то нереальное. Почти ненастоящее.

Он уже давно надевал очки, когда читал газету. Правда, на ежегодном медосмотре окулист все равно писал в его карточке "зрение – 1,0". Но это – просто нехитрый фокус. Выучить нижнюю строчку таблицы наизусть, вот и все.

Но самое страшное даже не зрение. Хуже всего то, что у работающих в метро нарушается естественный ритм жизни.

Человек перестает различать смену дня и ночи. Организм сбит с толку этой постоянной темнотой. Поначалу все время хочется спать, а монотонная езда от станции к станции только убаюкивает. И новички спят.

Очень многие засыпают в кабине. Правда, для борьбы с этим есть специальная "пищалка": если не нажимать на кнопку каждые двадцать секунд, то она заорет так, что разбудит покойников, и они полезут изо всех щелей прямо в тоннель.

Машинист усмехнулся. "Да. Особенно – между "Беговой" и "Улицей 1905-го года" – там же Ваганьково".

На деле, конечно, все не так. Отключить "пищалку" не составляет особого труда.

Года три назад один кадр на Горьковско-Замоскворецкой линии отключил. А потом заснул и не реагировал даже на вызовы диспетчера, хотя тот орал по громкой связи так, что Лучано Паваротти вскочил с кровати в холодном поту. Ну и что? Диспетчер сорвал голос, а машинист все спал и спал.

Веселенькая была картинка – состав на полном ходу пролетает "Павелецкую", даже не затормозив. Пассажиры, естественно, в легком недоумении. Те, что стоят на платформе. А те, что сидят в поезде – в панике! Жмут на кнопки экстренной связи с машинистом, поминают недобрым словом его маму, а ему – хоть бы что! Причмокивает во сне губами и пускает сладкую слюнку.

В конце концов диспетчер сумел справиться с ситуацией. К тому моменту, когда окончательно сорвал голос, он понял, что надо брать дело в свои руки.

На "Автозаводской" подняли рычаг автостопа – такая железная красная трапеция рядом с рельсом, – он выдернул из вагонной части предохранительное кольцо, сжатый воздух вышел из

ресивера через шланг, и механические пружины разжали тормозные колодки, заставив поезд остановиться.

Ну, вот тогда уже соню разбудили и состав подали задним ходом на станцию. Все обошлось – не считая, конечно, отдавленных ног, синяков и шишек. Ну, это обычное дело при экстренном торможении.

Машинист достал банан и нажал на кнопку "пищалки". Красный огонек под потолком кабины снова сменился зеленым – еще на двадцать секунд.

Да… Засыпают ребята. Организм не выдерживает.

А с ним – все наоборот. Ему-то как раз эта "пищалка" совсем не нужна. Он мог бы ее отключить, но не хотел нарушать инструкции.

У него другая проблема – бессонница. Снотворное принимать нельзя – как потом заступать на смену? Нет, снотворное – это не выход.

Машинист поднес банан к левой руке, лежавшей на рукояти электродинамического тормоза, и поддел кожуру. Он знал, что стоит съесть совсем немного, и режущая боль в животе успокоится. Не пройдет совсем, но все же – успокоится.

Фрукт был спелым, и кожура отделялась легко. Он очистил банан до половины и поднес ко рту.

До того места, где в потолочной части обделки расходилась большая трещина, оставалось не более трехсот метров.

* * *

Гарин обычно не толкался в метро – когда ехал один. На него наваливались, тыкали в грудь, наступали на ноги, а он делал вид, что не замечает. Ругаться – себе дороже. Вокруг полно людей, только и ждущих, чтобы с кем-нибудь поругаться. Такое впечатление, будто они от этого заряжаются энергией.

Таким Гарин был по вечерам, когда возвращался с работы. Но утром все иначе.

Утром он ставил Ксюшу перед собой и клал руки ей на плечи. Если кто-нибудь наседал сбоку, он выставлял локоть, если кто-то торопил его сзади, он упирался и даже мог лягнуть.

Он чувствовал, что в эти минуты превращается в угрюмого телохранителя. И окружающие, наверное, тоже это чувствовали, поэтому конфликтов не возникало.

Они прошли вглубь вагона, подальше от дверей. Конечно, все сидячие места были заняты, и уступать никто не собирался. Не только Ксюше, но и вообще кому бы то ни было.

Гарин встал перед миловидной женщиной в очках и подвинул дочь перед собой. Теперь пассажиры, заходившие в вагон, наталкивались на его спину и огибали Гарина, как ручей огибает валун. Он служил амортизатором между Ксюшей и внешним миром.

Женщина перевернула страницу дамского детектива в мягкой обложке и поправила очки. Она отвлеклась от книжки и посмотрела перед собой; ярко-синий дождевик нельзя было не заметить.

Справа от нее сидела худая девушка с длинными и не очень чистыми волосами. Гарин насчитал в ее ухе семь сережек и сбился со счета.

Любительница детективов взяла Ксюшу за руку и потеснилась.

– Иди сюда! Ты же маленькая, места хватит.

Ксюша взглянула на отца.

Гарин кивнул – сначала сердобольной женщине, потом – дочери.

– Спасибо!

Дама сдержанно улыбнулась, давая понять, что это – такой пустяк, за который и благодарить не стоит. И, в общем-то, Гарин был согласен. Из-за того, что она немного потеснилась, не стоило превращаться в китайского болванчика.

Он сделал полшага вперед – занял освободившееся место – и почувствовал, как человек за его спиной сделал то же самое. Давки избежать никак не удавалось. "Природа не терпит пустоты", – вспомнил Гарин, и эта мысль странным образом заставила его вновь подумать об Ирине. Наверное, потому, что она тоже – не терпела пустоты.

Магнитофонный голос призвал к осторожности и сообщил, что следующая станция – "Щукинская".

Гарин взялся за поручень и посмотрел в окно. Двери захлопнулись, раздалось шипение, и поезд тронулся. Мраморные панели облицовки за стеклом дрогнули и стали медленно сменять друг друга. Затем они замелькали все быстрее и быстрее, как кадры кинопленки.

Гарин смотрел на них и пытался ни о чем не думать, но это оказалось тяжело. Практически невозможно.

Тогда он постарался сосредоточиться на предстоящей работе.

Он работал в инфекционной больнице. Правда, его непосредственный начальник, заведующий отделением Владимир Николаевич Островский, утверждал, что врачи не работают, а служат. Милейший старик, очень интересный и оригинальный тип, он был весь пропитан каким-то патриархальным духом. Говорил медленно, размеренно, ко всем обращался только по имени-отчеству, держался статно и уверенно, гордо задрав голову, словно работал – простите, служил! – по меньшей мере министром здравоохранения.

Гарин сам не знал, почему выбрал именно эту специальность. Особых барышей она не сулила, и, если бы не регулярная плата за квартиру, он был бы нахлебником у собственной жены. Теперь, когда он переехал назад, в свою однокомнатную, Гарин и вовсе с трудом сводил концы с концами.

Он старался брать как можно больше дежурств, желательно – в праздники и выходные. Во-первых, за выходные больше платили, а во-вторых, будни все равно были заняты – он возил Ксюшу в школу.

Ксюша… С Ксюши он как-то плавно свернул на Ирину.

Гарин мысленно выругался и заставил себя вспомнить список первоочередных дел, которые предстояли ему в больнице.

Прежде всего, конечно, кружка кофе с сигаретой. Потом – Ремизов.

Этот парень поступил вчера. Гарин знал про него только одно – Ремизов был горячий, как утюг. Черты его лица заострились, глаза запали глубоко в глазницы и кожа, взятая в складку, долго не расправлялась.

Он был сильно обезвожен и лихорадил. В пятидесятой больнице, откуда он поступил, причину лихорадки так и не нашли. Ремизова пичкали всеми имеющимися в наличии антибиотиками, но ему становилось только хуже.

Гарин осматривал его в приемном, в специальном боксе для больных с неясным диагнозом. Гарин подумал, что переводить его в отделение, в общую палату, пока не стоит. Он записал все необходимые назначения, еще раз просмотрел результаты анализов, сделанных колегами в "полтиннике" и, поразмыслив, решил их повторить. Хуже уж точно не будет.

Перед самым концом рабочего дня Гарин заглянул в кабинет Островского.

– Владимир Николаевич! Проконсультируйте, пожалуйста, нового пациента. Я что-то никак не могу разобраться.

Островский всплеснул руками.

– Помилуйте! Андрей Дмитриевич! Голубчик! Если уж вы не можете, то мне там и подавно делать нечего!

Гарин улыбнулся. Старик лукавил. Островский был в курсе всех последних веяний в медицине и мог дать сто очков вперед любому доктору наук, защитившемуся на высосанной из пальца теоретической теме.

Просто он кокетничал. Хотел немного поломаться, чтобы его стали упрашивать.

– Пожалуйста, Владимир Николаевич! Сделайте одолжение!

– Ну уж, ладно… – старик покряхтел, достал из ящика стола фонендоскоп и направился в приемное.

Гарин не стал дожидаться результатов осмотра, поспешил домой, а сегодня его очень интересовала запись, оставленная Островским в истории болезни. "Интересно, сумеет ли он что-нибудь найти? Ведь должна быть причина для такой упорной гипертермии".

Причина, конечно, должна была быть. Ничто не происходит просто так. И то, что Ирина захотела с ним развестись…

Гарин похолодел. Поезд мчался по темному тоннелю метро – по гигантской трубе, прокопанной глубоко под землей, откуда не было выхода. Так же и его мысли – он никак не мог развернуть их в нужном направлении; они постоянно ускользали в глубокий тоннель. И оттуда тоже – выхода не было.

Гарин решил больше не сопротивляться. В конце концов, рано или поздно придется об этом задуматься – ему ведь еще предстоит разговор с женой.

Лучше предупредить ее заранее – позвонить с работы. Назначить встречу и все обсудить.

"А не поздно ли ты спохватился, Гарин?". Внутренний голос даже не скрывал своей неприязни.

Он опустил глаза и посмотрел на Ксюшу.

Девочка сидела на самом краешке сиденья, ровно держа спинку. Гарин умилился: "настоящая принцесса!".

Он решил, что не поздно. Он попросит Ирину дать ему еще один шанс. Последний. И тогда он…

А что тогда? Что он сможет изменить?

До Гарина внезапно дошло, что он так и не знает, в чем заключаются ее требования. Чем же он ее не устраивает?

Казалось бы, чего проще – сесть и мирно все обсудить. Но ведь нет. Раньше ему это даже в голову не приходило. Мысль о том, что он может чем-то не устраивать свою жену, с которой прожил двенадцать лет и уже смирился с необходимостью прожить еще как минимум двадцать четыре, никогда не посещала его.

Он просто… работал, что-то делал по хозяйству, занимался с ней любовью – правда, все реже и реже и уже не с тем пылом, что в молодости, изредка ездил с ней к теще и… все.

Гарин постарался вспомнить, когда они в последний раз были в театре или в кино, и не смог.

Испытывая постоянную нехватку денег, он жалел отдать тысячу или около того за билеты. Правда, Гарин прежде всего экономил на себе. За новой одеждой он заходил на Тушинский рынок, благо тот был рядом, и даже не шел в сторону крытого павильона, а быстренько, чтобы не передумать, покупал что-нибудь прямо в палатках, стоявших на улице.

Продавцами здесь были сплошь чернявые улыбчивые мужчины неопределенного возраста. Они называли его "братом" и сверкали рондолевыми фиксами. Хлопали по плечу и выдавали обычный дерматин, ломающийся на сгибах, за превосходную кожу.

Гарин загнанно улыбался и отсчитывал смятые сторублевки, чувствуя, как сердце обливается кровью.

Он был безнадежно скучным. Только сейчас Гарин это понял. Он взглянул на свое отражение в темном стекле и ужаснулся.

Волосы поредели, лицо избороздили глубокие морщины, нос как-то обреченно повис, словно в одночасье утратил костный скелет.

Но самое страшное – он выглядел усталым. Неспособным больше ни на что. Когда-то широкие, гордо расправленные плечи сделались понурыми и покатыми, и глаза потухли.

"Возможно, от мужчины во мне осталась только необходимость бриться. И, пожалуй, больше ничего", – подумал Гарин.

Это характеристика была очень горькой, но… она была правильной. Он смог наконец заметить то, что Ирина увидела год назад.

"Неужели уже поздно? Неужели..?". Он посмотрел на Ксюшу, и сердце сдавила тоска, словно предвестник близкой и неминуемой разлуки.

"Но что-то же во мне есть? Что-то хорошее?". Он хотел отыскать в себе нечто такое, что помогло бы ему вновь расправить плечи.

"Я же – доктор. Российский врач. Я – людей спасаю".

Не помогало. Ему это не помогало. Вот Рафаелю Маратовичу – другое дело. Толстый, с жидкой бородкой на круглом багровом лице, он ходил на работу едва ли не в тренировочных штанах.

Его жена работала медсестрой в том же отделении, и у них было уже трое детей, но ни Рафаэля, ни его бессловесную супругу не смущала отчаянная бедность, граничащая порой с откровенной нищетой.

Рафаэль весь лучился спокойствием и уверенностью, а вот у Гарина это не получалось.

Он подумал, что весьма соблазнительно свалить все на жену; мол, у нас – разные жены, и в этом вся причина, но… Причина была не в этом. Скорее, в нем самом.

Гарин стиснул зубы и изо всех сил сжал поручень, наблюдая, как белеют костяшки пальцев. Наверное, это его и спасло.

В следующий момент все пространство вагона – от пола и до потолка; от одних дверей до других – пронизал ужасающий лязг, тянувшийся на одной высокой ноте, словно кто-то громадным металлическим скребком с нажимом вел по толстому стеклу.

Гарина резко бросило вперед, на мягкую податливую толпу. Раздался пронзительный женский крик. Казалось, толпа выбрала весь свободный ход. Людские тела спрессовались в один плотный конгломерат. Дальше давить было некуда.

Но еще через миг последовал страшный удар, который сплющил и этот комок, раздавил его, словно чудовищным асфальтовым катком.

Гарин почувствовал резкую боль в левой щеке. Чье-то плечо, обтянутое грубой шерстяной материей, сдирало кожу с лица, как наждачной бумагой. Гарин пробовал обернуться и посмотреть на дочь, но у него ничего не получилось. Он хотел вытащить руки и оградить Ксюшу от этого безумного человеческого пресса, но руки были плотно прижаты к туловищу. Он ничего не мог сделать; даже закричать, потому что воздух резким толчком вышибло из грудной клетки. Гарин издал звучное: "Кха!" и, обездвиженный, продолжал валиться куда-то вперед и вниз, в пустоту.

* * *

Поезд, ритмично стуча колесными парами, набирал ход. Шум заполнял вагон. Денису приходилось нагибаться, чтобы Алиса могла его расслышать. Он сокращал разницу между ста восемьюдесятью двумя и метром пятьдесят четыре, но соседям это почему-то не нравилось.

Нагибаясь, он всякий раз кого-нибудь толкал. Окружающие поначалу смотрели на это благосклонно, но очень скоро их терпение иссякло, и Денис стал получать ощутимые толчки в ответ. Правда, его это не сильно беспокоило.

– Ты заметила, сколько в метро красивых девчонок? – кричал он.

Алиса подозрительно сощурилась. Между ее бровей появились две вертикальные складки, а ротик уменьшился до размеров булавочной головки.

– Полно. На каждом шагу, – не унимался Денис. – Одни красавицы. Ты знаешь, я долго над этим думал… Откуда же они берутся? И сделал одно потрясающее открытие.

Алиса по-прежнему молчала, но выражение ее лица изменилось. Теперь оно было не наигранно-сердитым, а вопросительным.

– У них здесь инкубатор. Раз в году, в Хеллоуин, мамаша-змея заползает в метро и откладывает яйца: большие, зеленые, с мягкой кожистой скорлупой, – говорил он ей на ухо. – Эти яйца нагреваются, зреют, затем – бац! – оболочка лопается, и вылезает маленькая красавица. Точнее, она пока еще не красавица. Она испачкана зеленой слизью и неуверенно держится на ногах. Но стоит ей съесть на завтрак парочку молодых людей…

Денис почувствовал удар в бок. Он обернулся. Девушка, почти с него ростом, с густыми мелированными прядями, покачала головой и недовольно спросила:

– Вы можете стоять спокойно?

Денис перевел взгляд на Алису и закатил глаза: "ну, что я тебе говорил?". Алиса улыбнулась.

– Они никогда не выходят на поверхность, – продолжал Денис. Он больше не нагибался – просто говорил погромче. – А на ночь они собираются здесь, – он ткнул подбородком в сторону двери. Поезд проезжал заброшенную станцию.

Алиса обернулась. Все было, как обычно. В полумраке мелькали колонны, и платформа вплотную подступала к поезду. Денис шутил; пусть не всегда смешно, но зато – постоянно. Она знала, что через секунду свет на мгновение погаснет, и Денис, пользуясь темнотой, попытается ее поцеловать, и она не станет сопротивляться – наоборот, подставит ему щечку и будет с замиранием ждать этого момента…

Они были молоды и веселы. Все углы и шероховатости внешнего мира, такого недружелюбного и даже – враждебного, легко растворялись в их любви.

Они не позволяли миру встать между ними; точно так же, как в метро они тесно прижимались к друг другу, чувствуя сквозь слои одежды тепло любимых тел.

Свет на мгновение погас, и Денис ринулся вперед. Помня о том, как однажды он не рассчитал и набил ей на лбу здоровую шишку, Алиса быстро повернула голову. Она ощутила на щеке горячий поцелуй.

– И пусть остаются здесь, под землей, – сказала она, пока он еще не разогнулся. – Мне так будет спокойнее.

Денис кивнул.

– Пусть. Соберем их всех вместе и запрем навсегда.

Состав стремительно приближался к конечной точке своей последней поездки. До нее оставались считанные секунды, но об этом еще никто не знал.

– Кстати, помнишь того мужчину, которого ты толкнул?

Алиса вновь резко сменила тему, но Денис к этому почти привык. Ему это даже нравилось, как и все прочее в Алисе.

– Того надутого индюка в черном пальто?

– Да.

– Ну и что?

– Мне кажется, я его где-то недавно видела.

Денис пожал плечами.

– Где ты могла его видеть? Он позировал тебе обнаженным?

– Нет…

– Нет? Ах, ну да, конечно! Он был в таких узеньких белых трусиках, с веревочкой в попе. А в гульфик, небось, положил кроличью лапку, поэтому ты его и запомнила.

– Послушай, я серьезно. Точно видела.

– Значит, мои опасения не напрасны. Хорошенько проверю твои рисунки – вдруг я все-таки выйду на них с рогами?

– Денис, прекрати!

Алиса нахмурилась и взяла его за отвороты куртки.

– Неужели ты не понимаешь, что ты у меня…

Она не договорила. Вагон вдруг сильно качнуло и замотало из стороны в сторону – как автомобиль, тормозящий на скользком льду.

Громкий, раздирающий лязг разрезал барабанные перепонки, вскрыл их, как тупой консервный нож вскрывает жестянку консервов.

Они стояли у самой двери, поэтому их бросило прямо на боковой поручень. В последний момент Денис, даже не отдавая себе отчета в том, что он делает, каким-то чудом исхитрился развернуться спиной вперед и прижать к себе Алису.

Он почувствовал, что его затылок, не в силах совладать с инерцией, с размаху бьет во что-то мягкое, треснувшее, как спелый помидор.

Еще до того, как раздался истошный вопль, Денис понял, что, падая, он ударил строгую девушку с мелированными прядями прямо в лицо, но – странное дело! – не почувствовал при этом ни тени раскаяния. Его гораздо больше беспокоила Алиса.

Он не мог понять, как это может быть: сзади, под его спиной, лежит эта вопящая крашеная дылда, а спереди на него наваливается толстяк в кепке, от которого разило перегаром и луком. А где же Алиса?

Обеими руками он уперся толстяку в грудь и попытался отодвинуть его от себя, чтобы увидеть Алису, убедиться, что с ней все в порядке.

"Все в порядке? – промелькнула мысль. – Господи, да что же тут может быть в порядке? Все как раз совсем не в порядке!".

Он скосил глаза направо и увидел, как стена с проложенными вдоль нее кабелями прыгает прямо на стекло двери. Денис инстинктивно зажмурился.

Вагон еще раз сильно тряхнуло. Кругом стоял невообразимый грохот. Несколько плафонов, укрепленных под потолком, рассыпались мелкими острыми осколками. Они разлетались во все стороны, словно брызги шампанского, сыпались за воротники, резали лица, попадали в глаза…

В тоннельном перегоне начинался ад, но люди, угодившие в ловушку, даже представить себе не могли, что их ждет впереди.

* * *

Константинову все меньше и меньше нравилась эта затея с метро. Стоило признать, что так иногда бывало – он все-таки оказывался неправ. Редко, но бывало. Похоже, сейчас был именно такой случай.

Во-первых, ему оттоптали все ботинки, и, будь они из обычной кожи, это не представляло бы никакой проблемы. Но он надел замшевые.

Дорогие хорошие ботинки, которые купил в Лондоне. Из темно-коричневой, будь она неладна, замши.

Впрочем, сам виноват. Метро в час пик и "Мерседес" в час пик – это все-таки большая разница. Естественно, он догадывался об этом и раньше, но никак не мог предположить, что сюда лучше спускаться в грязной робе и кирзовых сапогах.

"Кстати, это мысль, – подумал он. – Тогда бы на меня меньше наседали – боялись бы испачкаться. А так – прут все, кому не лень".

Константинов подумал, где он сможет почистить свои замшевые ботинки, и не нашел ни одного подходящего варианта.

Во-вторых было еще хуже, чем во-первых. Он начал потеть.

Константинов знал за собой такую особенность – он всегда очень сильно потел, но сейчас это принимало просто катастрофический размах.

Потный бизнесмен – это жалкий бизнесмен. Тогда в его облике появляется что-то человеческое, и окружающим становится понятно, что не все в этой жизни зависит от него. Разве можно иметь дело с партнером, не способным контролировать даже собственные подмышки?

Константинов начал злиться. Он чувствовал, как по спине бегут тонкие струйки. Наверняка и на воротнике рубашки появится мокрая полоса.

Он полез в пальто за платком, и в этот момент его кто-то толкнул – так резко, что он чуть не оторвал карман.

"О, черт!".

Константинов представил себя выходящим на "Пушкинской". Мокрый, как мышь, в грязных ботинках, с оторванным карманом…

"Лучше уж сразу развернуться и поехать назад. Позвонить чиновнику и сказать, что встреча отменяется по уважительной причине. Например, мне только что отрезало обе ноги… но не извольте беспокоиться, уже завтра я прискачу – на новеньких протезах".

Это было совсем не смешно.

Но его злоба отошла на второй план, стоило ему вспомнить белокурую девочку в ярко-синем дождевичке. Его снова стали терзать сомнения.

Ирина… Ох, уж эта Ирина!

Константинов подозревал, что для каждого мужчины существует такая женщина. Женщина, к которой всегда хочется вернуться.

С виду она такая же, как и все: две ноги, две руки, две груди, одна голова и т. д., но… Она пахнет по-особенному.

Возможно, это просто причуда физиологии, а может – лукавое напоминание Того, Кто Сдает Карты: "Смотри-ка, братец! Что она с тобой делает! Можешь ли ты этому хоть что-нибудь противопоставить?".

Счастливы те, кто еще не встретил такую женщину. Их жизнь течет спокойно и более или менее прямо: от романа к роману, от победы к победе, от расставания к расставанию. Но те, кто встретил, скажут, что отныне их жизнь бегает по кругу. От нее – (свобода, свобода! Я снова свободен и могу делать, что хочу!) – (но мне же плохо без нее, ой, как плохо! Держись, будь мужчиной, не раскисай!) – (Плохо!! Чертовски плохо, и на кой хрен мне нужна эта свобода, если ее нет рядом?!) – назад! Назад, к ней!

Его круг получился очень большим – длиной в одиннадцать лет. Теперь он уже и не мог вспомнить, как это вышло. Почему он ушел от Ирины?

Раньше ему казалось, что это он от нее ушел. Потом стало казаться, что он не ушел, а УСПЕЛ уйти – за минуту до того, как она его выгнала. В конце концов он нашел приемлемый компромисс: "мы расстались". Ну и все.

За эти одиннадцать лет случилось многое. Константинов, переоценив свои силы, ударился в бизнес. Он занял крупную сумму и, естественно, прогорел. Почему естественно? Да потому что это такой всеобщий закон: если начинаешь бизнес на чужие деньги, обязательно прогоришь.

Но он не сломался. Просто поблагодарил судьбу за преподанный урок и попер дальше.

Квартиру пришлось отдать за долги. Константинов долго скитался по всяким общежитиям, съемным комнатам и квартирам, ночевал у приятелей и редких подружек.

Затем ему удалось устроиться в одну процветающую фирму: "шестеркой общего профиля", как он с усмешкой называл свою должность.

Однако и работа "шестеркой" пошла ему на пользу. Фирма, нарастив оборотный капитал до критической массы, стала делиться и размножаться. Так всегда бывает, когда учредителей несколько.

Перед Константиновым встал вопрос: куда податься? За кем из учредителей пойти?

Он пошел за самым лихим и не прогадал. Паша – новый директор – покрутился ровно год и прогорел. За этот год он успел залезть в такую долговую яму, у которой не было видно дна.

Когда на Пашу стали наседать, он продал все, что имел, и смотался в Израиль. А Константинов остался разгребать дела, и, к собственному удивлению, обнаружил, что ему есть чем поживиться.

Пашины аппетиты были непомерными, а планы – воистину наполеоновскими. Он завел кучу партнеров по всей России и успел отгрузить им товара на пару сотен тысяч долларов.

Дела в глубинке шли ни шатко, ни валко. Когда вдруг Паше приспичило вытащить деньги обратно, партнеры только развели руками. Мол, ждите. Но Паша ждать не мог. А Константинов – мог.

У него осталась печать, банковские счета и связи с периферийными должниками. Никому из них Константинов не говорил, что фирмы как таковой уже фактически нет. Наоборот, он уверял, что дела идут превосходно, продажи растут невиданными темпами, и интересовался: а не подкинуть ли вам еще товара? В кредит. Ну… Где-нибудь на полмиллиона? Свои люди, сочтемся. Потом он осторожно намекал, что за ним стоят ТАКИЕ люди…

Блеф срабатывал во всех случаях. Должники думали, что имеют дело с быстрорастущей и очень перспективной компанией, у директора которой – прочные связи на САМОМ верху.

Они вежливо благодарили за любезное предложение и спешили вернуть деньги.

Так Константинов вытащил почти сто пятьдесят тысяч, которые тут же вложил в дело. Теперь это были его деньги, поэтому все закрутилось гораздо быстрее, чем он ожидал.

Он просто работал – по шестнадцать часов в сутки. Всего их – двадцать четыре, не так ли? Шесть – на сон, два – на всякие хозяйственные дела: поесть, помыться, одеться; остальное – работа.

Работа отвлекала его от мыслей об Ирине и женщинах вообще. На это не оставалось времени. А затем… Когда все более или менее устоялось, и оборот составил полмиллиона долларов в год…

Вот тогда-то он и решил заняться личной жизнью и очень скоро столкнулся с одним интересным обстоятельством. Женщины стали его раздражать.

Кругом было полно матрешек, готовых прыгнуть к нему в постель, однако Константинов никак не мог отнести это на счет своих человеческих или мужских достоинств. Все они клевали на деньги. Даже несмотря на то, что Владимир всегда был прижимист и считал каждый рубль.

Не желая вытаскивать большую сумму из оборота, он купил скромную квартирку на окраине Красногорска. Вишневый "Мерседес" и дорогая одежда – это обязательная статья расходов, его лицо, на это не жалко. А вот квартира…

А желающих все равно не убывало.

В одной женской передаче Константинов услышал расхожую мысль: мол, женщин привлекают не деньги, а сам успех. То, что сидит внутри мужчины и рано или поздно делает его успешным.

Пораженный глубиной этой истины, он тут же попытался примерить ее на себя, и по зрелом размышлении оказалось, что истина не так уж и глубока. Для телевизионной передачи она вполне годилась, но для реальной жизни…

Один момент он никак не мог объяснить. Почему же эти матрешки появились одновременно с деньгами? А раньше? Где они были раньше, когда он, бывало, съедал за весь день только два вонючих чебурека – потому что на большее денег не хватало?

Выходит, в нем тогда еще не было этого самого, что спустя пару-тройку лет обратилось в деньги? Да нет же, было, и в куда большем количестве, нежели сейчас.

"Странно, – думал Константинов. – Я был моложе, сильнее, красивее, добрее. Я хотел семью, но почему-то никому не был нужен. А теперь, когда я зачерствел, постарел и ослаб, я вдруг стал нужен всем. Что изменилось?".

Как ни крути, изменилось только одно. У него появились деньги. Выходит, женщины – не такие уж сложно организованные существа, тонко чувствующие мужскую сущность. Скорее – примитивные твари, теряющие голову при виде денег?

С последней девушкой, которая была младше на шестнадцать лет и называла его "Вовусик", он прожил два месяца. Больше не сумел. Однажды утром она, еще не накрашенная, но все же – довольно красивая той красотой, что есть у каждой молодой девушки – спросила:

– Вовусик! А не пора ли нам завести ребеночка?

Константинов вскипел. Он едва сдержался и аккуратно положил телефонную трубку на рычаг. Еще немного – и он дал бы ей в лоб этой самой трубкой, но он сдержался.

Он присел на край кровати. Девушка призывно раздвинула длинные ножки.

Константинов увидел на тумбочке рядом с кроватью градусник и сразу понял, ГДЕ она измеряла температуру. ЧТО она хотела узнать.

– Пора, – глухо сказал он.

Он смотрел на тумбочку – этот градусник не давал ему покоя.

– Пора, – повторил он, – собирать тебе чемоданы и УБИРАТЬСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!!

Девушка – себя она называла Алей, хотя по паспорту звалась весьма прозаично, Еленой – вздрогнула и поджала ноги.

– Вали отсюда. И чтобы я больше тебя не видел!

В тот же день, выслушав истерику, упреки, мольбы, жалобы и еще одну истерику – под занавес, он вызвал слесаря и поменял в доме замки.

Целую неделю ему хотелось набить каждой встреченной молодой особе морду. А через неделю он пришел в себя и понял, что с ним творится.

Он не стал женоненавистником, нет. Он просто завершал свой круг, хотя еще и не понимал этого. Он приблизился к Ирине – достаточно близко для того, чтобы снова вернуться на орбиту. Ее притяжение оказалось неимоверно сильным; она была единственной звездой в этой галактике.

Он не стал противиться своему чувству. Хотя нет, не чувству, правильнее было бы сказать – ощущению. И начал он совсем по-мальчишески – караулил в машине рядом с ее домом, благо стекла у "Мерседеса" были тонированными.

Через неделю ему удалось узнать, где она работает и во сколько заканчивает работу. А затем он… объявился.

Они стали встречаться. Куда-то вместе ходить, ужинать, перезваниваться… Константинов осторожно расспрашивал ее о семье, Ирина хмурилась, а он – втайне радовался тому, что она хмурилась…

Так продолжалось три месяца. Вполне невинные отношения. Просто встречи старых друзей – правда, чересчур регулярные.

А потом… Он и сам не знал, как это получилось. Он этого очень хотел, но боялся настаивать, и, тем не менее, все получилось.

Они снова стали спать – как когда-то, одиннадцать лет назад.

Константинов был поражен. Ирина, конечно, постарела. Груди у нее отвисли, бедра стали шире, на боках появились растяжки, в подколенных сгибах стали просвечивать первые набухшие вены…

Но он был поражен вовсе не этим. Совсем другим – своим отношением к переменам, произошедшим с ней. Ему все это нравилось!

И морщинки у наружных углов глаз, и глубокая складка на лбу и даже растяжки на ее погрузневшей попе, – все это было настоящим. Честным. Он испытал странное чувство – словно все эти годы жил вместе с ней, знал историю каждой ее новой складочки и морщины. Это все было его!

Однажды, робко, опасаясь услышать поспешный отказ, Константинов предложил ей развестись и выйти за него замуж.

Ирина не сказала "да". Но она и не сказала "нет". Она грустно улыбнулась и поцеловала его в висок. Константинов заметил, что глаза ее странно заблестели.

И он, кажется, понял, в чем тут было дело. Он относился к этим матрешкам, как к вещам. А кем же они еще были, коли так хотели продаться? А Ирина – она не продавалась. Она была живой, и он относился к ней так, как и положено относиться к женщине.

Он чувствовал, что в ней происходит борьба. Ирина раздумывала, как ей поступить, и Константинов очень боялся, что она сделает выбор в пользу Гарина.

Гарин… Он снова и снова возвращался к воспоминаниям одиннадцатилетней давности, и никак не мог разобраться, появился ли Гарин потому, что они расстались, или они расстались потому, что появился Гарин?

Как бы то ни было, Гарин сильно мешал. Ирина колебалась между прежней любовью, обещавшей начать новый виток, и стойкой привычкой, от которой ждать было больше нечего.

Ну и, конечно, Ксюша… Наверняка Ирина переживала из-за Ксюши, но фраза, которую она обронила в их последнюю встречу…

О-о-о, ЭТО МНОГОЕ МЕНЯЛО! Это…

* * *

Внезапно Константинов насторожился. За годы, проведенные в бизнесе, у него необычайно развилась интуиция. И сейчас интуиция говорила ему, что все происходит совсем не так, как должно происходить.

Он это понял за несколько секунд до того, как поезд начал резко тормозить. Константинов, не боясь показаться смешным, бросился к поручню и крепко ухватился за него обеими руками.

Он понимал, что со стороны это наверняка кажется странным, но как он мог передать людям в вагоне свое ощущение УЖАСА и неотвратимо надвигающейся БЕДЫ? Как?

Он почувствовал, что сейчас будет удар. Константинов спрятал голову между плеч и сжал зубы – еще один урок, преподанный судьбой. До "Мерседеса" у него была "Тойота", на которой он однажды попал в серьезную переделку. Если бы не хваленая японская техника, он бы наверняка погиб или, что еще хуже, оказался бы навеки прикован к инвалидной коляске. А так – сравнительно легко отделался переломом левого предплечья и откушенным кончиком языка.

Сейчас он сжал зубы машинально, даже не успев подумать о том, что их следует хорошенько сжать.

Он что было сил уперся ногами в пол, и тело превратилось в одну тугую струну, натянутую между трех точек: зубы, пальцы рук и ноги.

Так получилось… Впрочем, Константинов давно уже не верил в расплывчатое "так получилось".

КОМУ-ТО было угодно, чтобы из всех людей, ехавших в восьми вагонах утром двадцать первого сентября от "Тушинской" до "Щукинской", он единственный оказался ГОТОВ к тому, что произошло.

Произошло всего несколько секунд спустя.

* * *

Машинист вел поезд, больше полагаясь на САММ – автоматизированную систему, разработанную еще в восьмидесятые годы. Она позволяла двигаться точно по графику.

Умная автоматика сама фиксировала прохождение контрольных пунктов, растормаживала колесные пары после закрытия дверей и вовремя отключала тяговые электродвигатели на подъезде к станциям. Благодаря ей оказалось возможным максимально уплотнить график движения поездов.

Таганско-Краснопресненская линия – самая загруженная в Москве. А пассажиропоток на "Выхино" и "Тушинской" значительно превышает пассажиропотоки на других московских станциях. Учитывая все это, САММ в первую очередь внедрили именно на Таганско-Краснопресненской, что значительно облегчило работу.

Машинист теперь уже и не представлял, как раньше гоняли поезда его коллеги – ориентируясь только на часы и график движения. Сейчас же от него требовалось только одно – помогать системе и вовремя вмешаться в случае нештатной ситуации. Ну, а нештатная ситуация… Их набор, к счастью, ограничен.

Чаще всего это – посторонний в тоннеле. Пьяный, или неопытный диггер, или просто искатель приключений. Тогда диспетчер службы пути включает аварийный сигнал для машиниста, а диспетчер электро-механической службы – со своего пульта включает освещение в перегонных тоннелях: настолько яркое, что оно режет глаза и буквально давит на человека с потолка.

Правда, существует еще одна нештатная ситуация.

В 2003-ем году на Замоскворецкой линии, между "Кантемировской" и "Царицыно" образовался плывун, разрушивший обделку из монолитных железобетонных блоков и надолго парализовавший движение. Плывун – это многие тонны песка, пропитанные водой.

Тогда аварию удалось довольно быстро нейтрализовать, но, насколько знал машинист, проблемы на перегоне остались.

Таганско-Краснопресненская линия тоже была проложена в геологически сложном грунте. В основном это – сильно обводненные известняки на участках глубокого заложения; на участках мелкого заложения обделка тоннелей не испытывала такой статической нагрузки, как в центре города.

Внутри Кольцевой, собственно от "Таганской" и до "Краснопресненской", линия проходит глубоко, а от "Баррикадной" и до "Планерной" – становится линией мелкого заложения, вплотную приближаясь к поверхности.

Сегодня ничто не предвещало беды. Все шло по графику.

Машинист снял с оставшейся половинки банана кожуру и пошарил за сиденьем. Пакет куда-то завалился.

Машинист на секунду убрал руку с электродинамического тормоза и обернулся в поисках пакета. В кабине было темно, и найти кусок черного целлофана оказалось не так-то просто. Он больше полагался на слух; шевелил пальцами, надеясь услышать ответный шорох.

– О! Да вот же он!

Пакет все это время тихо-мирно лежал под сиденьем и только и ждал момента, когда в него положат желтую, в черных пятнышках, банановую кожуру. Ту самую, на которой постоянно поскальзываются персонажи немых комедий.

Машинист взял пакет и разогнулся. Он встряхнул хрустящий целлофан и сунул внутрь кожуру.

Затем он посмотрел вперед, на ТО, во что упирались плотные конусы света, и остолбенел.

Это состояние, похожее на оцепенение, длилось не более секунды, но ему показалось, что он смотрит, не отрываясь, в одну точку, уже целый час.

Метрах в пятидесяти от него была стена. Отвесная стена от пола до потолка, не пускавшая дальше свет. Лучи фар и головных прожекторов натыкались на нее, ломались, рассыпались вдребезги и отскакивали обратно.

Машинист не сразу сообразил, что стена – это вода, бьющая из трещин в обделке. А когда сообразил, было уже поздно.

Он ухватился за тормозной рычаг и что было сил, до упора, потянул его на себя. Резкое отрицательное ускорение вырвало его из сиденья и бросило вперед.

– А-а-аххх! – он тщетно пытался дотянуться до рычага аварийной остановки.

Он, как зачарованный, смотрел через стекло кабины на приближающуся стену из грязной воды. Казалось, она резко скакнула вперед и, растратив в прыжке все силы, на мгновение замерла… но потом снова стала приближаться. Подкрадываться – с обманчиво ленивой грацией охотящейся кошки. Медленно, но неотвратимо.

Но самое страшное было даже не это. Машинист видел, как прямо на его глазах ломается железобетонный монолит обделки. От того места, где правая стена переходила в потолочную часть, отделился огромный, полутораметровой толщины, кусок.

Он двигался, как в замедленном кино, подталкиваемый многими тоннами насыщенного водой песка. Неимоверная сила инерции влекла состав вперед, и еще большая сила крушила бетон, словно мягкий шоколад.

В какой-то момент машинист понял, что независимо от его дальнейших действий эти силы все равно встретятся. И он будет при этом присутствовать. Более того, он будет как раз в месте их встречи – крошечная песчинка голубоватого мела, прилипшая к бильярдному шару, бьющему по другому шару.

Машинист закрыл лицо руками, словно это могло его спасти, и закричал – от безнадежности и страха.

Он кричал совсем недолго – до самого конца. До того момента, когда поезд на полном ходу врезался в бетонную глыбу, толкая ее перед собой и сминаясь в гармошку.

Звук удара – хруст, металлический лязг, звон стекла и скрип монолита, скользившего по рельсам – наткнулся на массу песка, валившегося из огромной дыры, отразился от нее и ринулся обратно, против хода поезда, догоняя ударную волну.

Ударная волна, передаваясь через сцепки, крушила все на своем пути. Она перекашивала дверные проемы, намертво заклинивая двери, ломала хрупкие человеческие кости, сбрасывала с потолка вагонов лопающиеся плафоны; она затыкала рты вопящим и выдавливала из грудных клеток остатки воздуха; била податливые людские тела друг об друга и вышибала пол из-под ног. Она была немилосердна и не щадила никого. Слабые и беззащитные стали ее первыми жертвами.

Самым первым был, конечно, машинист.

Пройдет совсем немного времени, и те, кто уцелел после первого удара, будут ему завидовать.

* * *

Гарин… Первое ощущение – "меня зовут Гарин".

Второе ощущение, пришедшее сразу вслед за первым – "нечем дышать". Гарин задвигал губами, потом челюстью, попытался крутить головой… Все получалось, кроме одного – дышать.

Его руки были по-прежнему плотно прижаты к туловищу. Гарин развернул ладони и нащупал чье-то пальто. В сознании странным образом улеглась мысль, что невозможность дышать как-то связана с этим самым пальто.

Происходящее напоминало далекую картину из детства. Десяток мальчишек во дворе. И вдруг один из них, лукаво сверкнув глазами, кричит: "Куча мала!" и, повалив соседа, прыгает на него сверху. На него – другой, потом – третий и четвертый, и так далее, пока все не сплетаются в тугой шевелящийся клубок.

Гарину несколько раз приходилось оказываться в самом низу "кучи-малы", и он помнил, как это было страшно. Нельзя пошевелить ни рукой, ни ногой, нельзя даже закричать: "Эй, парни! Кончай! Кончай, мать вашу!", потому что на тебе сидит десяток товарищей, и всем им ужасно весело; и чем ближе пацан к вершине кучи, тем ему веселее.

Они давят, вжимаются в тебя животами, плющат, – так, словно намерены заживо закатать тебя в землю.

Да, это смешно – когда ты сверху. Но нижнему в этот момент хочется плакать – от отчаяния и страха, что он умирает… и ничего не может поделать.

Потом, спустя уже много лет, до Гарина дошло, что именно ради этого и устраивалась "куча мала": не для того, чтобы верхний позабавился, ощутив свое превосходство, а для того, чтобы нижний почувствовал страх смерти; смерти, в реальность которой ни один нормальный мальчишка не верит. До тех пор, пока на нем не попрыгает "куча-мала".

Гарин напряг все мышцы и попытался сбросить с себя обладателя пальто. Под ним что-то безжизненно колыхалось. Гарин понял, что не он сегодня "нижний". Под ним еще кто-то лежит и не делает никаких попыток подняться.

Гарин продолжал барахтаться. Он задыхался; воздух отказывался входить в широко открытый рот. "Наверное, я похож на рыбу, выброшенную на берег", – подумал он.

Вслед за этой пустяковой и ненужной мыслью пришло осознание того, что еще немного – и он задохнется. В голове зазвучал тревожный сигнал: громкая трескучая сирена, сопровождавшаяся яркими вспышками красного огня.

Гарин наконец открыл глаза – все это время он почему-то лежал зажмурившись – и увидел прямо над собой посиневшее лицо мужчины.

Мужчина не двигался. Изо рта у него свисала вязкая дорожка слюны.

– XXX-эээ! – выдавил из себя Гарин, и это все, что он мог сказать.

Голосовые связки, видите ли, не работают сами по себе. Им тоже нужен воздух.

Гарин напряг шею и попробовал ударить мужчину головой. Он почувствовал, как его изрядно поредевшие волосы коснулись блестящей дорожки слюны, но дотянуться до его лица он не смог.

Мужчина заворчал и задвигал губами, словно спал и видел приятный сон, но только… он не проснулся.

Гарин извивался, как червяк в мокрой земле, на которую упал электрический провод. Теперь его голова приобрела некоторую свободу.

Слюна, стекающая изо рта мужчины, постепенно вытягивалась и уже готова была коснуться Гарина. Еще немного – и она коснется его лица.

Гарин, борясь с отвращением, снова закрыл глаза и почувствовал, как тягучая влага легла ему на нос. Он сделал отчаянный рывок и с размаху впечатал свой лоб в лицо мужчины.

Мужчина заерзал и забил ногами, коленом ударив Гарина в пах. Острая боль пронзила все тело и алым шариком лопнула где-то в мозгу, но Гарин был ей только благодарен; эта боль заставила его на несколько мгновений забыть о том, что ему нечем дышать.

Гарин бил еще и еще – до тех пор, пока мужчина не ОТСТРАНИЛСЯ от него. Слюнявый обладатель пальто слегка приподнялся, но и этого было достаточно – воздух со свистом ворвался в легкие Гарина; и пусть он наполнил только самые верхушки, но дрожащая черная дымка небытия, караулившая его сознание, стала потихоньку отступать.

Гарин продолжал долбить ("дятел обыкновенный, горизонтальный!" – мелькала в голове какая-то нелепица), и мужчина, оказавшийся очень крупным и тучным, пытался увернуться от его ударов. Он подтянул под себя руки, уперся Гарину в плечи и стал медленно подниматься.

"Он сломает меня!" – подумал Гарин, но в тот момент это выглядело более заманчивым, нежели "он задушит меня".

Лицо мужчины налилось кровью и сделалось багровым; он отрывисто дышал, обдавая Гарина крупными каплями слюны, и бормотал:

– Что же это? А? Что же это?

Гарин снизу видел его раздувшееся лицо и прыгающие губы, но он никак не мог поймать его взгляд. Глаза мужчины бегали, как шарики в барабане "Спортлото".

– Давай! Давай, мать твою! Давай! – кричал на него Гарин – громко и отрывисто. С каждым "давай" он старался выдохнуть как можно глубже, чтобы новая порция воздуха вошла в легкие, застоявшиеся и душные, как низкие подвалы старого замка.

– А? Что же это? А?

Глаза у мужчины постепенно становились осмысленными. Они наконец остановились и уперлись в Гарина, словно тот был единственным во всем поезде, кто мог честно и открыто ответить на этот вопрос.

– Слеза-а-ай! СЛЕЗАЙ!!

Ему повезло, что мужик оказался таким здоровым. Конечно, он его чуть не задавил, но он оказался настолько сильным, что смог стряхнуть с себя по меньшей мере четырех человек.

Несколько секунд Гарин лежал, запрокинув голову. Он блаженствовал. Он просто дышал.

Это ощущение по своей силе могло поспорить с самым ярким в его жизни оргазмом – когда они с Ириной занимались любовью на лестнице многоэтажного дома. За тонкой стенкой что-то падало и ухало в трубе мусоропровода, ветер завывал в вентиляционной шахте, двери на лестничных клетках постоянно хлопали, а они все никак не могли остановиться, с каждой секундой все приближаясь и приближаясь к вершине.

Они кончили одновременно и закричали, будучи не в силах сдерживаться. Хрустнули перила, за которые держалась Ирина. Гарин подумал, что еще немного – и она выдернет их из бетонных ступенек.

Наверху, через два этажа, раздраженный женский голос воскликнул:

– Хулиганы! Вам что, улицы мало?

Они захохотали и побежали вниз по лестнице. Ирина на ходу натягивала колготки, а Гарин – застегивал штаны.

– А-А-А-А-А!!! – снова заорал он – не для того, чтобы досадить сердитой женщине, а от избытка переполнявших его чувств.

А Ирина смеялась так, что ей приходилось опираться рукой на стену.

– Пойдем… на… улицу… – с трудом выдавила она, и Гарин чуть не покатился кубарем – от приступа буйного смеха.

– На улицу… – повторил он. – На улицу… Чтобы продолжить…

Непонятно почему он вспомнил сейчас этот эпизод – скорее, грустный, чем веселый. С тех пор прошло уже много лет – так много, что Гарин не мог сказать, сколько именно.

Наверное, потому, что воздух, свободно входящий в его легкие, был таким сладким… Он подумал, что нечто подобное испытывает женщина, когда в нее входит желанный мужчина.

И Гарин закричал.

Но в следующую секунду эйфория прошла. Этот воздух был слишком сладким. Он пах кровью.

Гарин сел. Что-то под ним опять колыхнулось; настолько вяло и безжизненно, что Гарин испугался. "Я сижу на трупе".

Он понял, что какое-то время после удара лежал без сознания. Видимо, ТОМУ, кто лежал в основании "кучи малы", этого времени хватило, чтобы задохнуться.

Гарин подумал об этом отстраненно, не испытывая никаких эмоций, кроме одной: "Хорошо, что я не умер".

Он оперся обеими руками на тело, лежавшее под ним, и попытался встать, но правая нога была крепко зажата. Гарин видел ее только до колена; остальная часть скрывалась под краем ярко-красной болониевой куртки.

Гарин нагнулся вперед и вправо. Он попробовал отпихнуть тело в красной куртке… (Он не знал, живой это человек или уже бездыханное тело). Он толкнул; затем еще и еще раз, но все было бесполезно.

Тогда Гарин ухватился за свою ногу и потащил на себя, чувствуя, как она помаленьку продвигается.

Внезапно все вокруг пришло в движение. Люди, оглушенные ударом, вскакивали на ноги и начинали метаться.

Сдавленный воздух вагона прорезали панические крики. Это было чертовски соблазнительно – поддаться всеобщей панике. Стать частью орущей многоголосой толпы. Но это был путь в никуда. Путь, ступив на который, рискуешь не вернуться.

Гарин поборол сиюминутную слабость. Он стиснул зубы – так сильно, что заболела шея – и закусил губу. Паника – его, личная паника – отступила.

Он дернул правую ногу изо всех сил и наконец-то сумел ее освободить.

Гарин встал. Тело под ногами по-прежнему колыхалось, словно хотело его сбросить, и Гарину пришлось схватиться за поручень.

Точнее, за одну его оставшуюся секцию. Другая – тонкая никелированная труба – торчала из гущи человеческих тел, набросанных в беспорядке друг на друга в начале вагона.

Гарин будто увидел себя со стороны. Странно, но он больше не боялся и даже не испытывал отвращения, глядя на окровавленный подрагивающий кусок поручня, который торчал из чьей-то широкой спины. Он машинально отметил, что поручень прошил кого-то насквозь… и отбросил эту мысль.

Все чувства притупились, и мысли не задерживались в голове дольше, чем на пару секунд. "Наверное, я все-таки паникую, – подумал он. – Это – моя индивидуальная разновидность паники".

Гарин добрался до того места, где сидела Ксюша… ("где перед ударом сидела Ксюша…") и стал методично отбрасывать тела.

Он хватался за одежду и бросал в сторону; иногда он слышал вскрик, визг и даже возмущенные возгласы – значит, это были люди. Живые люди! Но чаще – только свое прерывистое дыхание, шорох ткани и хруст рвущихся ниток.

Кто-то ударил его сзади по спине. Гарин, не оборачиваясь, отмахнулся и продолжал разгребать эту… кучу.

Он увидел босую ногу в черном лопнувшем чулке. "Колготках? – тупо шевельнулось где-то у самого затылка. Гарин пригляделся. – Нет, чулках с ажурной резинкой, с отстегнувшимися подвязками…".

Он ухватился за ногу и почувствовал, как она дрожит. Гарин, даже не задумываясь о том, в какую сторону гнутся у человека нижние конечности, отодвинул ногу, успев отметить черное блестящее белье и курчавые волоски, пробивающиеся из-под него. Однако сейчас эта картина не имела никакого сексуального оттенка; он едва сознавал, что видит и что делает.

Точно так же он достал вторую ногу (чулок почему-то спустился до колена) и отодвинул ее так же, как и первую. Затем отвернул задравшуюся на живот юбку и по верхней одежде (черной кожаной куртке до пояса) понял, что она принадлежит той самой женщине, которая потеснилась, уступая Ксюше место.

Женщина дрожала, как в лихорадке, и Гарин понимал, что это – дурной знак. Очень дурной знак.

Гарин нащупал ее руки, взялся за запястья и рывком поднял тело.

Подбородок женщины дергался, словно она давилась каким-то комочком, левая половина лица была залита густой темной кровью, смешанной с чем-то вязким, как варенье. Из глаза торчала позолоченная дужка очков.

– Ага! – тихо сказал Гарин, перенес тело влево и… просто разжал пальцы. Тело с мягким шлепком упало на другие тела.

Внезапно в голове что-то щелкнуло. Словно кто-то повернул ручку невидимого реостата; Гарин явственно различал стоны, кряхтение, плач, причитания, доносившиеся изо всех углов и закоулков вагона. Но громче всего – замирающие всхлипы женщины в черных чулках.

Гарин не смотрел в ее сторону. И даже если бы захотел, он не смог бы себя заставить. Теперь он видел только одно.

Краешек ярко-синего дождевичка.

* * *

Поручень с громким треском хрустнул; однако хруст этот был едва слышен в общем шуме, грохоте и крике. Денис даже не услышал хруст; он почувствовал его спиной.

Та девушка с мелированными прядями, которой он разбил лицо, внезапно исчезла – такое было ощущение. Вот она была – и вдруг ее нет, осталось только мягкое пальто, заполненное воздухом.

Потеряв опору, Денис пролетел по воздуху пару метров и оказался где-то на головах людей, сидевших слева по ходу движения.

Несколько секунд он лежал прямо на головах – как полуобнаженная красавица на трех мечах в старом иллюзионном трюке – затем потерял равновесие и покатился вниз.

Ему повезло, что поручень на какое-то время стал надежной опорой; люди, как сбитые кегли, повалились в проход, а Истомин упал уже сверху, и причем – довольно мягко.

"Везение!". Он не успел об этом подумать. А если бы успел, то наверняка усомнился: что следует называть "везением"? То, что он постоянно попадает в страшные передряги? Или то, что умудряется каким-то непонятным образом из них выкрутиться?

Нет, сейчас он ни о чем не думал. Времени на это не оставалось. Денис вскочил и бросился искать Алису.

В страшной мешанине из человеческих тел невозможно было что-то разобрать. Казалось, в вагон заползло какое-то фантастическое существо с сотней рук и ног, одетое по новой моде: нечто, сшитое из лоскутного одеяла. Это существо вопило, кряхтело, плакало, стонало и вздыхало.

Денис увидел клетчатую кепку, которая украшала голову толстяка, вонявшего перегаром. Он сложил нехитрую логическую цепочку (кепка – толстяк – Алиса) и ринулся вперед.

Почти все пассажиры вели себя так же, как и он. Все куда-то рвались, суетились, бежали и ни на что не обращали внимания.

Денис увидел грузную женщину в старом коричневом плаще, которая, причитая, что-то искала. Она отодвигала руки и ноги, с неправдоподобной легкостью переворачивала лежащие тела и все время что-то искала. Она продвигалась вперед, не обращая внимания на толчки и удары, сыпавшиеся на нее со всех сторон. Казалось, женщина их просто не замечала. Она вела себя, как Терминатор, отрабатывавший одну-единственную программу, заложенную в электронные мозги: найти Джона Коннора и свернуть ему шею.

Денис, как зачарованный, следил за этой женщиной со свекольным румянцем на щеках, и никак не мог понять, что же она ищет?

Ребенка? Маловероятно. В пятьдесят с лишним лет (а то и все шестьдесят) уже не рожают. Внука? Но тогда бы она что-то кричала. Звала. Но женщина не звала – просто КОПАЛАСЬ, как старательный огородник – в земле.

Наконец она испустила торжествующий вопль. Денис увидел, как женщина схватила потрепанную сумку с облупившимся лаком. Ручки сумки перетерлись; одна была завязана узлом.

Женщина прижала сумку к груди, словно боялась, что ее могут снова отобрать, и стала торопливо перерывать содержимое.

Денис отвел глаза. Клетчатая кепка переместилась в сторону, загадочным образом отползла на пару метров влево, а это означало, что первое же звено в его логической цепи (кепка-толстяк) не выдержало и лопнуло.

Денис пытался вернуться к дверям вагона, но его все время отпихивали. Слишком много было желающих выбраться отсюда.

Кто-то делал шаг, его отбрасывали и сбивали с ног, топтали, и он уже не мог подняться. Людской водоворот, начинавшийся в проходе, медленно приближался к дверям, и тем несчастным, что оказались на его пути, не стоило ждать ни помощи, ни пощады.

Внезапно раздался вопль – настолько сильный, что на мгновение заглушил все прочие звуки. Вопль звучал на одной высокой ноте; он был таким ужасным, что Денис оцепенел. Казалось, человек не способен издавать подобные звуки.

Оцепенел не только он; замерла вся толпа – единый организм, сплоченный общей целью – выжить!

Этого секундного замешательства Денису хватило, чтобы поставить ногу на чью-то разбигающуюся спину, оттолкнуться от нее и "рыбкой" нырнуть обратно, в сторону дверей.

Он упал на мужчину в кожаной куртке, надетой на цветастый спортивный костюм. Глаза мужчины побелели, как у дохлой рыбы. В них не было ничего, даже страха.

Мужчина автоматически, словно сам не сознавал, что делает, ударил Дениса, но промахнулся. Кулак с дешевым перстнем из фальшивого золота лишь оцарапал Истомину ухо.

Денис оказался проворнее: он заехал лбом мужчине в лицо, и тот отступил, освобождая жизненное пространство.

Справа и сзади к Денису протянулась женская рука с длинными когтями.

– И-и-и! – визжала женщина, царапая ему лицо. Денис ударил ее локтем в живот, и женщина смолкла, будто задохнулась.

Денис изо всех сил налег на толпу и увидел пол под ногами. Просто грязный истертый пол, свободный от человеческих тел, но сейчас это казалось ему самым прекрасным зрелищем. Потому что на полу лежала большая дерматиновая папка, в которой Алиса носила рисунки. "Ватманы", как говорила она.

– Да не толкайтесь же! – закричал Денис. – Двери все равно закрыты!

Ему повезло: рядом нашлись вменяемые люди, не потерявшие в панике голову.

Молодой человек, одетый не по погоде в шерстяную водолазку и вязаную кофту, растопырил руки и заорал на толпу:

– Назад! Надо выбить двери! Не мешайте! Потом все пойдем по очереди!

Денис с благодарностью кивнул ему. На лице вздувались царапины, оставленные любительницей роскошного маникюра. Истомин подумал, что был бы только рад вытащить из своей щеки пару-тройку сломанных ногтей. "Истеричка чертова!".

Он еще раз взглянул на молодого человека в кофте. Тот из последних сил пытался сдержать напирающих людей. Наверное, он тоже думал, что Истомин сейчас начнет выламывать стекла и пытаться раздвинуть двери, но… Денис был вынужден его разочаровать.

Он опустился на колени и принялся искать Алису. Наверное, это выглядело глупо: все-таки сто пятьдесят четыре – не иголка в стоге сена, и она не могла исчезнуть бесследно, затеряться на четырех квадратных метрах, но она именно затерялась. Папка ее была здесь, а самой Алисы не было.

Денис заметил мужчину, скорчившегося в углу. У него был багровый затылок. Денис уцепился за воротник темно-коричневого пальто и потянул на себя. Мужчина не сопротивлялся. Его тело безвольно откинулось назад. Денис разжал пальцы, и услышал стук: это голова несчастного ударилась об пол.

Толпа снова стала наседать, и, если бы не еще один вопль, заставивший всех вздрогнуть, Дениса бы затоптали.

– Да помогите же ему, наконец! – кричал молодой человек в кофте. – Чего он орет?

Крик не нарастал и не убывал. Он просто длился.

Но Денис не мог обернуться и посмотреть, в чем там дело.

В нише, в углу между дверью и наружным краем сиденья, лежала Алиса. Она сжалась в крошечный комок и была такой маленькой, что, казалось, ее можно положить за пазуху. И вместе с тем… она выглядела изломанной, словно хрупкая льдинка, смятая в теплой руке.

– Алиса… – Денис осторожно взял ее под руки.

Девушка зашевелилась и что-то произнесла.

– Тихо-тихо, не двигайся… – Денис прижал ее к себе.

Молодой человек, его неожиданный союзник, как мог, сдерживал наседающую толпу.

– Не мешайте! – закричал он и ударил ногой в стекло. Стекло треснуло, но осталось на месте. Это позволило выгадать еще несколько секунд. Впрочем, Дениса это не интересовало.

Он аккуратно ощупывал Алису.

– Девочка моя… – говорил он, не замечая, что из его глаз катятся горячие благодарные слезы. – Ты цела? С тобой все хорошо?

Алиса посмотрела на него и попробовала улыбнуться.

– А знаешь, ты не такой тяжелый, как этот гегемон, который на меня улегся, – тихо сказала она. И (он это понял сразу, по лукавым искоркам, появившимся в уголках глаз) дальше последовал неожиданный поворот темы. Ее коронный трюк. – Зато он мягче.

– Алиса… – Денис прижал ее к груди и поцеловал в макушку. – Алиса…

– Можешь не ревновать, – сказала она ему на ухо, пытаясь придать голосу некоторую ворчливость. – Он не успел ничего сделать.

Денис скосил глаза на пол. Толстяк лежал, не двигаясь, и его неестественно искривленная шея недвусмысленно говорила о том, что он бы и не смог ничего сделать. Потому что был уже мертв.

– Значит, я зря так торопился?

– Что это за крик? – спросила Алиса, и Денис посмотрел через головы назад.

– Я не знаю, – сказал он. Но он именно знал.

Лежавшие в проходе медленно вставали. Кто-то помогал им подняться и отойти в сторону. Наконец завал из людских тел исчез сам собой, и стало видно, кто кричал – мужчина в кожаном пиджаке. Едва почувствовав свободу, он вскочил на ноги и стал топтать человека, лежавшего под ним.

– Тварь! Гад! – кричал мужчина. Правую руку он крепко прижимал к животу, словно боялся, что оттуда что-нибудь вывалится.

По его лицу катились крупные капли пота, будто он угодил под проливной дождь. На лбу и висках вздулись толстые вены.

– Тварь! Тварь! – орал он, с ожесточением заколачивая каблук в человека, лежавшего на полу. Между пальцами у него сочилась кровь. – Он прогрыз мне брюхо!

Мужчину схватили за руки и оттащили в сторону.

Затем Денис увидел, как с пола, шатаясь, поднимается другой мужчина, с лицом, залитым кровью. Она была повсюду, но, пожалуй, не вся кровь была его.

Дениса передернуло от этой картины. Она была страшной, но самым страшным была ее совершенная безвыходность. И тот, и другой мужчины были зажаты навалившимися телами, и

никто из них не мог пошевелиться. И нижний грыз живот верхнего, потому что он не давал ему дышать. Скорее всего, он делал это не намеренно, а от отчаяния, повинуясь слепому инстинкту самосохранения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.